
МАРИЯ УСТИНОВА
Рабыня Рива
или
Жена генерала

Мария Устинова

Рабыня Рива, или Жена генерала

https://litres.ru/74718222

Аннотация

❤# После войны мой народ оказался порабощен, а меня продали в рабство. Чтобы выжить, пришлось стать рабой и любовницей главнокомандующего. Я отчаялась обрести свободу. Но накануне мирного договора получила неожиданное предложение… от генерала вражеской армии.

Также в тексте: - политический брак - властный герой и нежная героиня - сложный выбор

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	58
Глава 9	67
Глава 10	75
Глава 11	83
Глава 12	94
Глава 13	103
Глава 14	112
Глава 15	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Глава 1

– Кровная месть – главное в жизни григорианца, – прошептала я на ухо командора Лиама. – Молодой генерал станет оберегать честь семьи, не касайтесь в разговоре его родных. Он может вызвать вас на поединок.

Я перевела дух и отступила на полшага. Теперь я находилась за спиной своего хозяина.

По углам шлюзовой площадки стоял почетный караул. Второй заместитель занял место по левую руку командора. Мы ждали первой встречи старых противников, и воздух искрил от напряжения. Великий день. Если случится чудо и мирный договор подпишут, он положит конец Десятилетней войне. Войне, в которой мой народ проиграл и заплатил дань десятью тысячами рабов. Я одна из них.

Я снова приблизилась к уху Лиама:

– Пожелайте удачи и процветания его супруге. Он не женат. Для григорианца это равно пожеланию благополучия рода.

Со своего места я видела лицо Лиама полубоком: прямой нос под козырьком фуражки, массивный подбородок и краешек брови. И сейчас эта бровь приподнялась.

– Почему не женат?

– Возможно из-за молодости генерала и долгой войны. Точных сведений нет.

– Назад.

Я отступила, одернув китель. На мне была форма вспомогательных сил – на военную, как и на личное оружие, я не имела права. Она была черной, чтобы с первого взгляда понимали кто я. Рядом с белым парадным мундиром Лиама и синей формой флотских она смотрелась позорным пятном.

Шлюзовые двери пришли в движение.

Лиам подобрался, солдаты забряцали оружием, один в боковом коридоре опустился на колено, используя угол в качестве укрытия. В любой момент были готовы открыть огонь. Война затронула многих, но к финалу лишь один народ не сложил перед агрессором оружие. Я считала, что Григ победит, но после оглушительных сражений стороны пришли к примирению. Соглашение подпишут на равных, как бы Лиам ни скрипел зубами.

Наконец, массивные створки разъехались. Три фигуры за ними, плохо видные с залитой светом площадки, направились к нам, и я поняла, что темнота в глубине шлюза обманчива – за ними стояла стена бойцов в темной броне.

Григорианцы на голову выше человека и центр тяжести у них смещен вперед. Если смотреть сбоку, кажется, что они сгорблены, впечатление усиливали мощная шея и массивный плечевой пояс. Серая кожа была гладкой везде. Лицо – нечто среднее между человеческим лицом и звериной мордой. Оно было рельефным, с резко выдвинутым лбом, под которым пряталась человеческие глаза. Желтые, с черной

каймой вокруг радужки, они больше всего выдавали сходство с человеком – в них светился разум. Узкий нос с резко очерченными ноздрями и рот, почти лишенный губ, напротив, были похожи на черты животного.

Генерал Эс-Тирран шел в центре – худощавый, но выше остальных. Он припадал на правую ногу – едва заметно, но среди этого народа принято скрывать травмы. Ранен он тяжело. Исцарапанная темно-серая броня, похоже, прошла всю войну.

Лиам подал руку первым – на Григе рукопожатия не в ходу. Эс-Тирран замешкался, но ответил тем же.

– Приветствую, Эс-Тирран, – сказал Лиам. – Желаю процветания вашей супруге.

Григорианец смотрел мимо, оглядывая присутствующих. Желтые глаза остановились на мне, ощупали черную форму – он понял, что я рабыня.

– У меня нет супруги, – он повернулся к Лиаму. – Я принес клятву.

Голос оказался тихим, вкрадчивым, он влез под кожу и потек в венах вместо крови. Незаметным движением я согнала с руки мурашки.

Недолгая заминка и я почувствовала, как злится Лиам – он не понял слов григорианца, но сообразил, что оплошал. Моей вины не было – я сама не поняла, о какой клятве речь и почему генералу не понравилось пожелание.

– Церемония состоится завтра в восемь утра, – отчеканил

Лиам. Ладонь прижалась к бедру, словно он хотел вытереть ее о белоснежные форменные брюки. Прижалась и застыла.
– Будьте моим гостем. Вас проводят в каюту.

– Сам доберусь, – желтые глаза вернулись ко мне. – Пришли девушку. Обещаю, что не наврежу твоей рабыне.

«Да хоть съешь ее» – читалось в раздраженной позе Лиама, но он просто кивнул.

Старые враги разошлись.

Командор развернулся и пошел по коридору, Эс-Тирран остался на площадке. Я поспешила за хозяином. Григорианцы пробудут на «Стремительном», пока договор не вступит в силу.

– Вонючая рептилия, – зашипел он, брызгая слюной, как только мы скрылись за поворотом.

Я подала платок, который всегда держала наготове. Лиам бешено обтер руки и отшвырнул в сторону. Я подобрала на ходу.

У лифтов мы остановились. Командор поднимется на мостик – мне туда нельзя.

– Рива! Приди к нему сегодня, будь гостеприимна. Потом расскажешь.

Я кивнула, тщательно следя, чтобы лицо осталось безмятежным – эмоции на «Стремительном» не приветствуются.

Лиам скрылся в лифте. Когда дверцы захлопнулись, скрывая стройную спину, обтянутую белым кителем, я выдохнула. Не раскисай. Всего один вечер. Всего один…

Я красивая женщина. Наверное, поэтому оказалась на флагмане.

Когда меня забрали, я закончила начальный курс ксено-этики и, несомненно, это тоже послужило причиной. Но главное, что я была молода и подходила под вкусы Лиама.

Вот уже час в своей маленькой сумрачной каюте я пыталась настроиться на нужный лад. Живу я плохо, но лучше, чем другие рабы. Здесь нет окон, кровать – узкая койка с темно-синим одеялом, пол металлический. Даже раковина в санузле жестяная и темно-серая – из сырого железа. На моей планете заключенные живут лучше.

Вечер на «Стремительном» официально начинался в шесть – это через полчаса. К этому времени я должна быть в апартаментах Эс-Тиррана.

Вместо формы я надела черное платье до колен и соорудила прическу наподобие «корабельного узла», но свободнее – пышную и небрежную.

Подошла к зеркалу. Сильнее всего на моем лице выделялись глаза, большие, синего цвета – в моем мире это признак красоты. Татуировка вокруг пушистых ресниц делала их выразительнее. Вот уже два года из них не уходила печаль, превращая и без того глубокий взгляд в настоящую морскую бездну.

У меня темные волосы и смуглая кожа – раньше была, пока не выцвела за годы на «Стремительном». Платье открывало плечи и мертвенно-белый свет падал на них бликами. Я

страшилище. Но вряд ли григорианец отошлет меня обратно – они неразборчивы в связях. Наверное, ему нужна компания. Поговорить, выпить, уйти к себе… Умоляю.

Без одной минуты шесть я стояла перед дверью Эс-Тирана. Не стучала. Стояла и ждала.

Меня впустили ровно в шесть. Солдат, открывший дверь, вышел за порог, и я осталась одна посреди великолепной каюты для высших офицеров. Мягкий, но яркий свет заливал мозаичный пол – теплый, ровный и глухой. Когда идешь по такому, не слышно шагов. Поэтому когда я подошла к огромному иллюминатору, захваченная шикарным видом на станцию всю в огнях, Эс-Тирран меня не услышал.

Он стоял перед окном и смотрел в пустоту. Станция была прекрасна, но григорианцы не ценят красоты.

Они ее разрушают.

Я не осмелилась подойти вплотную. Пока не пригласит, нельзя, а он даже не знает, что я стою позади.

Но я ошиблась.

– Ты Рива? – голос прозвучал гортанно, почти безразлично. Странно, что он вообще знает мое имя.

– Да, это я, – по привычке склонила голову, словно говорила со старшим по званию, но опомнилась и выпрямилась. Чужим кланяться необязательно.

Эс-Тирран повернулся ко мне. Все еще в броне, у бедра ритуальный кинжал с рифленой рукояткой. Оглядел меня равнодушным взглядом рептилии и пошел к ширме, которая

делила каюту пополам. За ней пряталась жилая часть каюты. Спальня тоже там. Меня туда не пригласили.

Красивая стеклянная ширма была увита искусственными растениями вроде вьюнки, но выглядела вьюнка как живая, изгибами перекликаясь с золотым орнаментом на мутном стекле.

Генерал налил из бутылки, спрятанной в открытой нише.

– Выпей, если хочешь, – предложил он.

За тонкую ножку я взяла бокал, поднесла к носу – приятный запах, трепетный, с травами. Аромат дурманил. Отпила и провела пальцем по узору на стекле, прямо по золотым линиям. Эс-Тирран молчал. Боковым зрением я заметила, что генерал за мной наблюдает. Я уже все поняла и смирилась, как смирялась со всем на «Стремительном».

Глава 2

– Ты иларианка?

Я кивнула.

– Вам следовало лучше сражаться. Вы не продержались и года.

Не стану спорить.

Мой мир был первым, кого Лиам подмял под себя. Только через несколько лет я поняла почему: он знал, что мы не выстоим, а трусливое правительство откупится рабами, которые были так ему нужны.

– Как ты относишься к Лиаму? – Эс-Тирран подошел ближе, наклонился.

– Он вырвал меня из рук семьи, сделал любовницей... Даже мирный договор ничего для меня не изменит. Как я могу к нему относиться?

Внимательный взгляд янтарных глаз генерала следил за лицом. Но у меня не задрожали губы и не потекли слезы. Я долго служила на «Стремительном» и привыкла ко многому. Но все-таки он разбередил раны. «Вырвал из рук» – не фигура речи: я вспомнила, как кричала и плакала мама, как солдаты избили отца прикладами.

Я сглотнула и отвела глаза. Нам не свойственно чувство ненависти, но Лиаму я желала зла.

– Так ты с ним не связана? Не вижу брачных украшений.

Наши женщины носят браслет вот здесь, – Эс-Тирран обхватил кольцом мою руку чуть выше локтя и слегка сдавил. Я ощутила, как проминается кожа под шершавыми пальцами генерала.

– Нет. У командора Лиама есть жена.

– Говорят, в честь мира он заключит второй брак.

– Я просто рабыня, – мне хотелось забыться, и я отпила из бокала, прежде чем добавить. – Командор Лиам не обсуждает со мной жизнь.

– Лиам, – неприязненно повторил генерал. – Лиам… Ты много лет ему служишь. Скажи, Рива, ты хочешь вернуться домой?

Я опустила глаза. В бокале опять стало мало. Зачем он задает эти вопросы и раздирает незаживающие раны? Неужели не знает ответа.

– Конечно, – тихо сказала я. – Больше всего на свете.

Я не обязана отвечать, но молчать невежливо. Будь прокляты все своды и правила, регламентирующие, как жить рабу и о чем ему думать.

– Я могу освободить тебя, – он наклонился, глядя в глаза. Желтые радужки оказались так близко, что я увидела светлые точки вокруг зрачков. – Если завтра ты публично принесешь клятву верности. Но мне нужна клятва, которую услышат.

– Можете освободить? – я нахмурилась, мечтая, чтобы это оказалось правдой, но страшась, что ослышалась.

Клятвы для григорианцев значили много: ими скрепляли любые сделки, начиная брачными узами и заканчивая торговлей. Они клялись, принимая присягу, прощаясь с любимыми, принимая дружбу или вызывая врага. Клятва прочнее договора – даже сегодня, после заключения соглашения с Лиамом генерал обязался принести клятву о Мире. Но «если другие не слышали, то этого и нет» – такая у григорианцев поговорка. Клятву должны засвидетельствовать от одного до десяти, зависит от того, насколько она серьезна.

– Не знаю… – растерялась я, когда поняла, что он не подшучивает надо мной.

– По соглашению с Иларией ты получишь вольную через двадцать лет. Стоят ли годы ожиданий одной клятвы?

– Вы считаете, Лиам уступит меня вам ради мира? – я пыталась найти рациональное объяснение его предложению и не находила.

Зачем я ему? Он со мной даже не спал.

– Мне не нужен мир, – отрезал генерал. – Я хочу убить его. Когда подойду к тебе на мостике завтра, согласись поклясться, а потом повторяй за мной. После этого ты станешь свободной. Согласна, Рива?

– Что за клятва? – прошептала я.

– Узнаешь завтра. Я принес жертву ради своего народа. У меня не будет наследников, не будет настоящей жены, но есть цели выше собственных интересов. Принеси и ты свою. Постой за свой народ.

– Мой народ меня продал, – бесстрастно напомнила я.

Лиам пожелал молодых рабов. Все на момент отбора были не старше двадцати. Хорошие, здоровые, образованные. А девушки еще и красивы.

Когда я говорю – бесстрастно, я вру.

– Ты можешь это изменить, – хрипло сказал он. – Но все имеет цену, Рива. Чем ты готова пожертвовать ради свободы?

Я молчала, а генерал, затаив дыхание, следил за мной янтарными глазами.

– Принеси мне клятву, Рива. И я освобожу тебя. Ты поклянешься, а я Лиаму кинжал воткну в глотку!

Он сжал кулак – сероватые пальцы были с грубой кожей на тыльной стороне кисти. Кулак заскрипел от напряжения. Зубы генерала сжались – он даже оттянул губы.

Шад Эс-Тирран ненавидел моего хозяина лютой ненавистью.

Как и я.

Не найдя на лице согласия, Шад зарычал и отвернулся.

– Рива! – он экспрессивно добавил ругательство на своем языке, назвав меня трусихой.

Не в силах совладать с гневом, он ходил вокруг, припадая на правую ногу. Я старалась не смотреть, чтобы не привлекать внимание к травме. Он же ранен… Как собирается биться?

– А если вы проиграете поединок? Что станет со мной?

Он предлагал публично отречься от Лиама прямо на Церемонии. Страшно представить, какое я понесу наказание, если генерал не справится.

– Без самоотречения не бывает побед, – Эс-Тирран ответил крылатым выражением григорианцев.

Думаю, понятно, почему лишь они оказали достойное сопротивление.

Он смотрел мне в глаза и ждал. Но я не могла как истинная григорианка бросить на кон свою жизнь, даже не подумав. Впрочем, что я теряю, кроме издевательств?

Я отпила еще напитка. Бордового, сладкого – оно напоминало ягоды, какими я лакомилась в детстве. Мы с мамой сами их собирали. Шад подошел, и я вынырнула из горьких воспоминаний.

– У меня есть для тебя кое-что, – сказал генерал. – Что поможет решиться.

На раскрытой ладони лежало кольцо – детское, со стекляшкой вместо камня. Ярко-розового цвета, поцарапанное острым камнем, от него пахло полынником и сладким сеном… Но только в моих снах. Это кольцо купила мне мама.

– Откуда оно у вас? – испугалась я.

– С твоей семьей все хорошо, – григорианец поднес ладонь ближе, приглашая взять. – Наши миры никогда не воевали, мы не враги. Я посетил твоих родителей и попросил что-то, что поможет тебе довериться. Твой отец отдал эту вещь. Возьми.

– Как они? – я все еще смотрела на кольцо, одновременно веря и не веря. Меня отделяли годы от прошлой жизни. Было больно возвращаться туда даже в воспоминаниях.

К чему себя терзать, если я не попаду домой?

– Скоро сама увидишь. Я отвезу тебя на Иларию, если согласишься.

Он обещал встречу с семьей – эти сладкие речи отравляли хуже яда. Отравляли ум, но больше всего душу. Я допила и подалась вперед, глядя в глаза генералу. С приоткрытых губ было готово сорваться согласие.

Меня держала неизвестность. Я рабыня, но знаю, что будет завтра, через год, через десять. Если я скажу Шаду «да», то утрачу эту мерзкую стабильность. Даже следующая минута станет опасной загадкой.

– Я принесу вам клятву, – твердо сказала я, хотя поверхность в бокале задрожала. – Обещаю, генерал Эс-Тирран.

– Благодарю, Рива.

Он шагнул ко мне и склонился. Длинные, сильные пальцы обхватили мою руку, и он поднес запястье к лицу, устало закрывая глаза. Янтарные радужки погасли, словно кто-то выключил два маленьких солнца.

Не дыша, я смотрела, как сам генерал Эс-Тирран, самый молодой герой войны, о котором слава летела быстрее ветра, отдает почести мне, рабыне.

Он поцеловал запястье.

Губы генерала оказались шершавыми снаружи, словно по-

крытыми микроскопическими чешуйками. Внешне Эс-Тирран слегка напоминал рептилию. Межрасовые отношения на Иларии – табу. Генерал ритуально поцеловал сгиб локтя, словно навсегда прощался с любимой. Жаркое дыхание было похоже на прикосновение пламени.

– Я хочу быть с тобой не больше, чем ты со мной, – признался он. – Иди, Рива. Самое важное начнется завтра.

Я дрожала, когда возвращалась к себе. Сегодня Лиам меня не вызовет – завтра действительно очень важный день, а в апартаментах у него своя прислуга. Могу отдохнуть и привести мысли в порядок.

В каюте я распустила волосы, приготовила костюм на завтра: черные брюки, мундир без знаков отличия. Платье стянула через голову и аккуратно повесила в шкаф.

Мне было страшно. Так страшно, что я ничего не могла делать. Села на край бедной кровати и смотрела в пол, покрытый протертыми пятнами. Внутри все дрожало, но решимость была со мной.

Что бы ни предлагал генерал, если я избавлюсь от Лиама – это счастье. А если передумаю – сделаю вид, что не понимаю, когда он потребует клятвы.

Он хочет клятву верности, но какую? У григорианцев их много.

Клятва соратников, господина и слуги, брачная клятва, военная, государственная… Все это клятвы верности. Чего он хотел от меня, я не знала. И не понимала, как клятва по-

может Шаду вызвать Лиама на поединок.

Я не дура, догадалась, что зачем-то нужна для этого.

И поэтому во мне теплилась надежда. Если я, ксено-этик не вижу сути аферы Шада, то и Лиам не увидит. Попадется в расставленную ловушку и как обещано, ему воткнут кинжал в глотку. Только ради этого стоило ждать восемь лет.

О доме вспоминать было горько.

Я давно утратила надежду вернуться туда, увидеть маму и отца. Вновь очутиться в детстве. Одно воспоминание никак меня не отпускало все эти годы. Почти каждую ночь, я видела во сне, что мне снова семь и я счастлива.

Вспоминала, как алые поля маковника при каждом порыве ветра колыхались, как пламя. В детстве я любила бегать по ним – бегать можно, главное не останавливаться, не вдыхать сладкий аромат, иначе заснешь. Это как проверка на слабость: как далеко тебе хватит смелости забраться в поле?

Когда мальчишки брали «на слабо» малышню, я забежала дальше всех и упала на спину, хохоча в светлое, словно застиранное, небо. Смелая Рива… Стоило моей темной макушке исчезнуть из видимости, как они побежали за взрослыми – в детском фольклоре ходили слухи, что, однажды уснув на поле с маковником, уже не проснешься. Вранье, конечно. Будешь сладко спать и видеть яркие сны, а проснешься отдохнувшим и свежим. Маковник рос только на Иларии. У нас самые лучшие расслабляющие и сонные средства.

В тот раз мне влетело – не за маковник. За то, что подда-

лась «на слабо» и позволила собой помыкать.

Меня воспитывали с чувством уважения к себе.

В ушах еще стояли слова генерала: за все надо платить, чем ты готова пожертвовать?

Слова того, кто не был невольником. Как будто я могу выбирать, думать, мечтать, жить – все обратилось в прах с поражением моей страны в общей войне.

Я рабыня, мне жертвовать нечем.

Глава 3

Кают-компания «Стремительного» была убрана по случаю подписания Мирного договора.

«Убрана» – означает по-корабельному не чистоту, здесь всегда должно быть чисто. Это значит «убранство» – нарядная роскошь, без которой можно обойтись, но только не на флагмане. Золотистые портьеры закрывали стены, пол устали красным бархатом.

Лиам в белой форме с сияющими золотыми погонами и в черных сапогах, занимал место на трибуне. Как хозяин корабля, но не положения, он имел право взойти туда первым, но придется ждать гостя – генерала.

В просторном помещении собрался цвет корабля: высшие офицеры, некоторые были с женами, прилетевшими на борт по случаю конца войны. Все в парадных мундирах, дамы в вечерних платьях – красных, белых, розовых, желтых… Черного ни одного.

Черную одежду можно увидеть только в концах зала, где располагались места для рабов. Право взойти на трибуну из нас получит кто-то один – я или Эрик, второй ксено-этик «Стремительного».

По случаю праздника я была в платье и в черных туфлях. Хотела надеть костюм, но в последний момент пришла разнарядка: рабы в брюках, рабыни в платьях. Черные туфли,

прическа такая же, как и вчера – я выглядела красиво. В зеркале в другом конце зала я видела свое отражение: пышный «корабельный» узел, татуировка, делавшая глаза ярче. Я ненавидела свою внешность: она сделала меня любовницей Лиама. Ненависть пришлось прятать глубоко внутри. Мой удел: терпеть и улыбаться.

Эс-Тирран обещал сделать меня свободной.

Сейчас в кают-компании не было ни одного григорианца. Нервничая, я сцепила руки в замок и они, бледные, выделялись на черном платье, словно большая буква «V».

Раздался писк подключаемого микрофона. У меня екнуло сердце, я перебирала пальцами, едва дыша. Сейчас на двух чашах весов лежало будущее: в одном мирный договор подписывают, я остаюсь на «Стремительном» и продолжаю, сжав зубы, служить хозяину. После войны, скорее всего, меня переведут… А с возрастом я покачусь все ниже. Когда цветок увянет, мне найдут замену. Может быть, я заинтересую кого-нибудь ниже званием и положением. Все ниже и ниже, пока не стану не нужна никому… Как закончу свою жизнь, я не знаю. Будущее в тумане. Но ничего хорошего там нет.

Если я приму предложение генерала, туман придет сразу. Но у меня будет надежда добиться свободы, и я готова платить любую цену… Не я ее продала. Это решили за меня – обстоятельства и мое правительство. Но я заплачу, чтобы ее вернуть.

Я глубоко вздохнула и крепко стиснула пальцы, борясь с головокружением.

В распахнутых дверях появилась сутулая фигура, и я замерла на вдохе.

Эс-Тирран и свита за ним замерли, осматривая зал. Этого требует церемония. С заминкой зазвучала музыка и под звуки марша они двинулись к трибуне по красной дорожке. За ним шли советники, помощники и охрана.

Он был в броне. Мой взгляд скользнул по фигуре и остановился на кинжале.

Генерал прошел мимо, даже не взглянув на меня, словно мы не договорились накануне. Голова кружилась все сильней, в глазах потемнело, и я вспомнила, что нужно дышать.

Делегация взошла на трибуну.

Лиам первым подошел к микрофону, и голос загрохотал по залу – он поздравлял всех с «долгожданным днем», поздравлял с окончанием тяжелой войны «для всех нас», будто не сам ее развязал и говорил, как счастлив подписать договор с Григом. Ложь. Григ он ненавидит – за то, что тот не сложил оружие.

Он говорил что-то еще, но я не разбирала слов. Голос Лиама гремел в ушах, как гнев бога-громовержца. Гремел, словно он уже знал о моем предательстве. В уверенной позе Эс-Тирран стоял рядом и в своей броне выглядел грозно, как страшный вестник войны. У них воинственный народ. Любой повод они воспринимают за приглашение к сражению –

личному или государственному.

Лиам закончил и уступил место генералу.

Тот сказал несколько приветственных слов своим. Выразил сдержанную радость от победы и публично пообещал подписать на равных мирный договор. Я смотрела, как они отходят к столу и по очереди жмут друг другу руки. Начиналась главная часть церемонии, речи окончены… Сейчас на сцену вызовут ксено-этика. Я уже приготовилась, что офицер-распорядитель выкрикнет мое имя, но внезапно пригласили Эрика.

Я выдохнула и отпустила измученные нервами пальцы. Генерал невозмутимо наблюдал за приготовлениями и в мою сторону не смотрел. А может, я все придумала вчера? Может воспаленное испуганное сознание все придумало? Ни одного взгляда, ни одного намека…

Мгновение и договор подписан.

Эс-Тирран произнес короткую клятву, обещая беречь хрупкий мир. Официальная часть закончена.

Лиам протянул руку для торжественного рукопожатия, но григорианец прошел мимо и спустился с трибуны. Удивленные люди следили за ним, бесстрастной осталась только свита. Он шел ко мне. Тот момент, которого я ждала.

В горле появился ком, но я помнила его слова о самоотречении. Если бы Илария знала, что это, меня бы здесь не было.

Григорианец остановился в метре и упал на колени, он

склонился в низком поклоне, упираясь руками в пол, и он застыл со сгорбленной спиной на целых три секунды. Так кланяются монарху… И перед клятвой, если хотят, чтобы ответили согласием. Только жизненная необходимость заставит григорианца припасть перед рабыней.

Я смотрела на напряженные плечи и спину генерала, боясь поднять глаза и увидеть колкие взгляды и шокированного Лиама, которому некому объяснить, что происходит.

Григорианец выпрямился, но остался на коленях.

– Согласна быть названной?

Он спрашивал, готова ли я к взаимной клятве.

Я онемела: тело стало совсем невесомым, я его не чувствовала. Все взгляды в зале были направлены на меня.

– Да, – выдавила я, бросаясь в неизвестность и отрезав себе пути отступления.

Он сделал шаг навстречу, шершавая ладонь легла на шею, он притянул меня к себе, и мы соприкоснулись лбами.

– Перед Двуликими и свидетелями говорю, что ты моя женщина…

У меня закружилась голова. Слова брачной клятвы!

Я поняла, о какой жертве он говорил. У григорианцев клятва дается на всю жизнь. Ради победы он навсегда закрыл себе возможность получить наследника. Закрывал он ее и для меня. Я ничего не теряла, право распоряжаться собой я получу нескоро.

Помню о себе все.

Я рабыня, мне больше нечем жертвовать.

И отступать поздно – на нас смотрят. Я боялась Эс-Тиррана, но, если я захлопну перед собой эту дверь – что останется? Маленькая каюта и Лиам?

Я положила руку ему на затылок, копируя позу.

– Перед собравшимися говорю, что ты мой мужчина...

Короткую клятву произносили в экстренных ситуациях: перед боем или чтобы узаконить наследника. И Лиам сам только что узаконил ее, подписав мирный договор на равных. Больше ничего не нужно, главное, десятеро смогут подтвердить наши слова, а григорианцев тут как раз десять… Людей не считаю. Я поняла, что генерал делает. Я ксено-этик и зря хлеб не ем.

– Вместе до смерти, – мрачно закончил он нашу клятву.

Мы смотрели в глаза друг другу.

Мои были расширенными и испуганными, его почти не изменились, но в них стояла тоска. Пальцы чувствовали шершавую кожу на затылке. Я так остро почувствовала это и его внутреннюю боль от того, что он взял меня в жены – недостойную, что рука задрожала.

Глаза генерала не изменились: желтые глаза хищной птицы.

На мостике повисла гробовая тишина, а затем по палубе прокатился смешок.

Первым засмеялся Лиам, а за ним остальные – нестройно и неуверенно, затем в полный голос.

– Что за фарс? – выкрикнул он.

Эс-Тирран убрал ладонь с моего затылка и обернулся к Лиаму.

– Ты ведь желал процветания моей супруге, – напомнил он.

– Это не супруга… Что за бред творится? – забормотал он и обернулся, все еще посмеиваясь, словно от хорошей шутки. – Эрик! Что происходит?

Ксено-этик подскочил к нему и зашептал на ухо.

Лиам помрачнел, но не мог остановиться. Я наблюдала, как он то смеется, то злится, то спрашивает у меня и офицеров, что происходит. Он слишком заносчив, чтобы молчать. Офицеры непонимающе переглядывались, а генерал пристально следил за ним, как и его отряд – это был взгляд хищника, ожидающего, когда жертва споткнется.

– Я назвал ее Эми-Шад при свидетелях. Она моя жена. За то, что ты был ее хозяином, – хрипло сказал Шад, обводя зал взглядом, – имею право вызвать тебя на поединок. Пусть твой раб скажет… Наш ритуал скрепится кровью, иначе что за мужем я буду?

На Григе для некоторых ритуалов нужно было пролить кровь – символично или по-настоящему. Они могли вызвать отца жены, ее брата, бывшего жениха… Но григорианки свободолюбивы, ни одна не позволит себя поработить – лучше погибнет в бою.

Зато хозяин есть у рабыни Ривы.

И не кто-то – командор Лиам, злейший враг.

Глава 4

Я поняла, что происходит. Поняла, почему ему была нужна именно я – у Шада появилась причина официально вызвать Лиама на дуэль, и убить его без политических последствий для своей страны. Я поняла, почему так часто он говорил о жертвах. Если он проиграет, то и мне конец. Отныне мы в одной связке.

Один шанс на миллион и Григ им воспользовался.

Только один день – день мирного договора позволил приблизиться к Лиаму на расстояние атаки. К нему не подошлешь убийц. Но вот договор подписан и можно разделаться с врагом для полного триумфа.

А рабыня… Кому нужна рабыня.

Я поняла, почему Шад так вел себя в каюте. Он и для себя закрыл множество путей, публично взяв чужеземку в жены. Но так потребовала его страна. Мы заложники одной ситуации.

Я прижала ладонь к губам, не в силах справиться с эмоциями.

Лиам и генерал играли в гляделки. Растерянные глаза Лиама наполнились решимостью, и он рванул кортик с пояса, сжав губы в белую нитку.

– Что ж, генерал. Если настаиваете! – его буквально трясло от гнева.

Он ненавидит, когда на него смотрят как на труса. Он безупречен, командор в сияющем мундире, пример для каждого. – Я принимаю вызов!

Генерал повернулся ко мне.

– Иди ко мне, – его пальцы сомкнулись на рифленой рукояти ритуального кинжала. У григорианцев он всегда при себе, потому что только это оружие можно использовать в поединке – или голые руки. Но нож лучше кулаков. – Подойди для ритуального поцелуя, Рива.

Шея, плечи, спина – почти все тело покрылось мурашками. Нет, я боялась не его, а самой сути этих слов. Я его жена, он хотел поцеловать меня перед боем, словно я григорианка.

Я приблизилась, почти не чувствовала, как кладу руки ему на предплечья, как его пальцы охватывают мои локти в странном, тесном объятии, и он прижимает меня к себе. Я подняла голову, не глаза – не хотела встречаться с янтарным чуждым взглядом. Но наши губы соприкоснулись – теплое, шершавое прикосновение. Совсем ненадолго – это традиция, а не чувства. От чувств григорианцы жен не целуют.

Он отпустил меня и повернулся спиной, а я пыталась прийти в себя после поцелуя, и успокоить бешено стучащее сердце. Самое главное, не показывать чувств… Они сделают меня слабой.

Лиам вышел в центр кают-компании. Злой, красный, он выглядел сияющим и карающим в своем шикарном мундире. Кортик, зажатый в руке, превратился под светом корабель-

ных ламп в сверкающее лезвие длиной почти с мое предплечье.

Он тяжело дышал, но был готов драться – впрочем, не факт, что выстоит. Но он не мог отказаться, не мог выставить себя трусом на глазах команды, высокопоставленных политиков и их жен.

Генерал на голову выше и выглядит тяжелее. Плюс броня, которую он не снимет – он пришел в ней, имеет право в ней остаться. Я смотрела, как они кружат друг против друга – прямой Лиам и чуть сгорбленный Эс-Тирран, следя за каждым движением противника. Генерал прихрамывал.

Я все еще не верила, что будет бой.

Казалось, этого не может быть. Сейчас что-то случится, они рассмеются, пожмут руки, разойдутся. Но напряженное дыхание Лиама выдавало – это не шутка. После первого же выпада его лицо покрылось испариной: генерал метил в артерию. Ритуальный кинжал едва не вонзился ему в горло. Он был настроен убить Лиама – быстро, не затягивая.

После следующего броска Лиам отшатнулся так резко, что фуражка слетела на пол. Он раздраженно скривил губы, на потный лоб упала прядь. С каждым ударом Лиам злился все сильнее, понимая, что противник силен, а главное – выносливее.

Они еще ни разу не достали друг друга – Лиам уклонялся. Но он уставал. С каждым неудачным выпадом он раздражался, генерал был в броне, ему приходилось метить в лицо

или горло, чтобы ранить его. Несколько раз кортик задевал броню.

Не очень справедливо, но на Григе свои понятия справедливости. Да и не заслужил ее Лиам.

От резких движений мундир стал выглядеть небрежно, волосы сбились. Командор не выглядел как на картинке – картинка и война не одно и то же. А он уже давно не был в бою.

Офицеры смотрели на них, не зная, что предпринять. Женщины испуганно наблюдали за боем – и я тоже. Некоторые смотрели и на меня – ксено-этик Эрик пялился почти в упор. Он все понял: что у нас был негласный договор с генералом накануне, что все это – лишь уловка, чтобы заманить Лиама в ловушку. Эрик рисковал. Но он сам раб, он ничего не сказал Лиаму, в надежде, что Эс-Тирран сделает свое дело.

Вскрикнула офицерская жена, и я обернулась.

Бой стремительно шел к развязке. Следующий выпад Эс-Тиррана был удачным: на мундире появился разрез, сочившийся кровью – прямо по центру груди. Лиам остановился, прижав ладонь к ране, словно пробуя на ощупь. Затем упрямо опустил руку и остался на арене. Он пошел влево, обходя генерала, чтобы выбрать позицию для атаки.

Он устал от изматывающего боя. Я видела по его глазам – злым, упрямым, но загнанным. Ему не хватало выносливости тянуть – он сдавал.

Кто-то предложил остановить бой, но никто не решился вмешаться или помочь командору.

Эрик рассказывал заместителю Лиама, чем это грозит по григорианским законам. Если один выходит из поединка – победитель мог требовать от того, кто сдался практически всего. Не очень удобный политический рычаг, но Григ обязательно умело им воспользуется.

Еще один выпад – Лиам едва увернулся, он уже спотыкался.

Заместитель с кем-то связывался по срочной связи. Эрик что-то встревоженно пояснял рядом, жестикулируя. Одна ладонь изображал Лиама, другая – генерала. Он пояснял на их примере, чем все закончится в случае победы одного или другого.

Следующий выпад я пропустила. Лиам устал, он стоял уже неподвижно, крепко стиснув кортик.

Быстро обернулся на трибуну, где стояли Эрик и заместитель командора.

– Послушайте, – начал Лиам, облизав окровавленные губы. Я догадалась, что он хочет остановить бой, но не решался сказать это вслух. Признать трусость. Но и умирать ему не хотелось.

Только сочувственные, но решительные глаза заместителя сказали о многом – приказа останавливать бой не было. Если на кону оказывается политика, никто не станет рисковать. Проще принести Лиама в жертву за его ошибки, а мир

останется миром – со своими выгодами и плюсами. Поединок ведь личный, а не государственный.

Лиам это знал. Может, поэтому и молчал, понимая, что ему не помогут – чтобы хотя бы умереть достойно.

Еще один бросок: кинжал Эс-Тиррана вошел в шею сбоку. Он вынул лезвие, выпустив из раны фонтан крови. Она окатила броню генерала.

Лиам повалился на колени, пытаясь зажать рану. Он давился словами и кровью, она брызгала изо рта, пока он пытался что-то сказать. Смотрел он на меня. О, понимаю, ничего хорошего он сказать мне не мог.

Он так и не смог выдавить ни слова – упал ничком. Рука безвольно упала с раны. Кровь сначала била фонтаном, затем потекла слабее, пропитывая парадный испачканный мундир, но на красном бархате пола почти не была видна. Все кончено.

Я смотрела на труп Лиама и чувствовала себя оглушенной. Сердце, кажется, остановилось.

Все кончено – и только началось. Я не знала, чем все это закончится для меня. Лиам погиб, но в глазах всех я стала виновницей его гибели, пусть все понимали, что я лишь инструмент в сегодняшнем бою.

Решающий удар сделал Эс-Тирран, но вряд ли кто-то будет смел настолько, чтобы обвинить его. Он остановился, тяжело дыша, и оглядел притихший экипаж Лиама, словно приглашал к бою следующего.

Уставился на меня. Желтые глаза стали ярче от адреналина.

Смотрел лишь секунду, затем отвернулся.

– Кто желает оспорить бой? – крикнул он, но формально, чем от сердца.

Победил он честно, и знал это. По-другому не могло и быть, поединок был хорошо спланирован, чтобы расправиться с Лиамом по закону. Все учтено. Но, как и полагается, с кинжалом в руках генерал устало ждал желающих предъявить обвинение в убийстве, если посчитают его таковым.

Смельчаков не нашлось.

Глава 5

Эс-Тирран опустился на колено перед телом Лиама – обтереть нож об мундир.

Он поднялся, неуклюже из-за ранения, опираясь на колено, словно ему трудно вставать. Генерал сунул кинжал в ножны и, не оглядываясь, пошел к нам – своей свите и ко мне.

– Уходим, – велел он.

Все кончено: мир подписан, Лиам убит – григорианцы возвращались на корабль.

Команда ошеломленно наблюдала,как генерал, прихрамывая, идет к выходу. В янтарных глазах не было эмоций, словно это стекляшки. Холодный взгляд скользил по публике, не задерживаясь ни на ком. Равнодушный – даже к собственной судьбе, он брезгливо смотрел на людей.

Охрана, советники – свита растянулась цепью, следуя за ним. Только я осталась на месте. Меня словно пригвоздило к полу, я не была способна ни на шаг. Сейчас они уйдут, а я останусь в зале, под обстрелом глаз присутствующих… Толпа разорвет меня в клочья. Обратного пути нет.

Сглотнув, я сделала первый шаг – едва поспевая. За моей спиной осталась пара солдат генерала, остальные терялись в дверях, его самого я уже не видела, он вышел из зала. Больше всего я боялась отстать и остаться один на один с командой…

Я пошла быстрее, борясь с детским желанием броситься

вдогонку.

На плечо легла рука григорианца. Один из солдат понял мое состояние и дал знать: все в порядке, я здесь.

Из кают-компании мы вышли последними. И думаю, Эрик смотрел мне вслед и мысленно желал мне благополучия. Хоть кому-то удалось вырваться со «Стремительного». Правда, мы еще до шлюза не дошли.

В коридоре было тихо. Караул выглядел растерянным, но им дали команду не задерживать, и мы прошли по богато убранному коридору к лифтам. Шикарные уровни сменились техническими: здесь все куда проще. Пол и стены из металла, а лестница решетчатая, чтобы было видно кто спускается или поднимается по ней. Я шла в конце цепочки, не считая двух солдат позади. Но спина генерала, припадающего на раненую ногу, словно после боя разболелась старая травма, виднелась в конце коридора.

Мы подошли к лестнице и подошвы солдат заколотили по решетке. Скоро будем у шлюза.

Я робко смотрела под ноги и прощалась с кораблем. Еще не могла поверить, что покидаю «Стремительный» – в новую жизнь, в неизвестность, но такую сладкую и желанную. Эс-Тирран обещал отвезти меня домой. Молю, пусть так и будет. Молю, пусть он не захочет того, чего обычно хотят от жен… А если и так, оно стоит того. Меня не испугает любая цена за свободу.

В конце коридора открывался шлюз.

Сердце так гулко билось в груди, что, казалось, его слышали все. Но я без сомнений вышла на шлюзовую площадку и за генералом последовала через открытые створки ворот.

Вот и все.

Отсюда начинается юрисдикция Грига – нас никто не задержит. Я свободна – от Лиама, но пока не от Эс-Тиррана.

На лифтовой платформе солдаты встали стеной за нашими спинами. Генерал стоял перед ними в центре, слева – советник, а я – справа как супруга. Я чувствовала себя вещью, прекрасно понимая, что послужило причиной моего освобождения. Неожиданно, но освободило меня то же, что и мучило – я была любовницей Лиама. По законам Грига муж имел право убить любого любовника жены, если был повод. В нашей ситуации их хоть отбавляй.

Но я физически ощущала на плечах груз: я ему обуза. Он не хотел, чтобы я становилась его женой, как и мне не хотелось видеть его мужем. Но у нас, заложников политической ситуации, не было выбора. Было больно смотреть на генерала.

Я наблюдала, как через прозрачную стенку мелькают темные этажи «Стремительного». Мы спускались все ниже: прямо в недра корабля Эс-Тиррана, пока шлюзовой лифт совсем не погрузился в темноту.

Вспыхнул верхний свет и лифт остановился.

Когда створки открылись, я непроизвольно вздрогнула. У григорианцев свое представление о красоте и правильном.

Красота для них – пустой звук. По крайней мере, с точки зрения обычного человека.

Стены были из голого металла, но пол пластиковый – глушить шаги. Разумно, если учесть, что в среднем они тяжелее человека и ботинки у них на магнитной подошве, как в скафандрах. Он вышел из лифта и пошел, не оглядываясь, прямо по коридору. Солдаты, попавшиеся навстречу, не выказывали ему почестей: как и все они, он шел по своим делам, равный среди прочих. Нас никто не встречал.

Меня солдаты повели по другому коридору – влево. Эс-Тирран наверняка пошел на мостик – докладывать о выполненной миссии. А я… А меня… Ведут в каюту? В тюрьму? Если бы я знала.

Но ничего страшного не случилось: затемненный коридор привел в жилой сектор. Я угадала.

– Ваша каюта, Эми-Шад.

Передо мной открылась переборка.

– Благодарю, – пробормотала я.

За мной закрылась дверь и я осталась одна в тишине и прохладе. Остались ли солдаты на дверях или ушли, я не знала – из коридора не проникали звуки. Каюта была достаточно просторной. И здесь уже кто-то жил – меня привели в апартаменты мужа, а не в отдельные. Значит, он действительно считает меня женой.

Я вспомнила, как назвал меня солдат. Эми-Шад – «жена Шада». Это моя новая фамилия.

В каюте я этого не чувствовала, но по опыту поняла, что мы расстыковываемся со «Стремительным» и уходим.

Дико, до зубовного скрежета хотелось выбежать в коридор и посмотреть, как в иллюминаторах исчезает «Стремительный». Но не знала, можно ли мне выйти или генерал хочет, чтобы я ждала здесь.

Женщины из их народа не обязаны слушаться мужа. Но я не григорианка, еще и рабыня… Уже бывшая, но еще минут пять назад была невольницей. Подумав, я все-таки вышла. Солдат на дверях не было, коридор полностью пуст. По наитию я пошла не к выходу из жилого сектора, а в обратном направлении. Все корабли одинаковы, а в конце жилых отсеков часто делают что-то вроде уголка отдыха. Там будут и окна. Здесь же не было ничего, кроме скучных металлических стен и одинаковых дверей.

Коридор вильнул и расширился в просторное помещение. Потолок терялся высоко, там были лампы, но сейчас они были отключены. Свет давали только пара светильников, замаскированных в стенах, а еще – световая дорожка вокруг огромного, во всю стену окна. Из-за нее казалось, что окно обведено гибким неоном, светящимся приятным голубоватым светом.

А за стеклом в темноте действительно исчезал «Стремительный».

Массивная корма с жилой надстройкой, локаторы, массивные двигатели, утопленные под брюхом – очертания по-

степенно таяли в темноте. Его еще долго будет видно в иллюминаторах – из-за отблесков на обшивке. Сначала, как отражение луны в пруду, затем, как звезда, на которую смотришь ночью. На радарах его будет видно дольше.

Я подошла медленно, словно к опасности, очарованная видом. Ощущения и картинка конфликтовали в сознании – я на корабле, но не на «Стремительном». Я смотрела на него со стороны, а затем широко улыбнулась. Не весело, скорее нервно, но эмоции, которые я копила со вчерашнего дня, требовали выхода. Я истерично рассмеялась и прижалась к стеклу. На корабль я хотела смотреть как можно дольше – чтобы поверить, и насладиться моей победой.

Все равно, что будет дальше и чем все закончится.

Самое главное случилось: я сбежала. Обманула свою страну, судьбу, самого злейшего и опасного человека во вселенной. И теперь – самого мертвого.

«Стремительный» никогда не подходил к базам.

Он, громадный и недосягаемый, как бог, всегда был где-то в стороне – над всеми. Сильнейший флагман, наделенный особыми полномочиями. Все время, что мы воевали, я ни разу не покидала корабль.

Восемь лет. Восемь. Не дышала настоящим воздухом, не видела других лиц, кроме военных и рабов.

Можно понять, почему я волновалась, когда через несколько часов солдат сообщил, что мы зайдем на базу, и я смогу ее посетить

На борт станции я сойду в новом качестве…

– Рива Эми-Шад! – обратился ко мне солдат.

Пока он не подошел, я рассматривала станцию в громадный иллюминатор, упираясь предплечьем в стекло. Теплое на подогреве, оно не жгло, но и не студило. Приятное ощущение.

Я обернулась.

Солдат склонил голову, изображая поклон. Только он смотрел исподлобья и это выглядело угрожающе. Но на Григе можно так смотреть даже на монарха.

– Ваш шаттл готов. Генерал Эс-Тирран приказал купить вам одежду.

– Хорошо, – подумав, согласилась я.

Он прав, мне нужна одежда – со «Стремительного» я бежала в чем была. В рабской форме вспомогательных служб. Жесткий воротничок, манжеты, черный цвет – я мечтала сжечь эту форму. Только что выбрать взамен?

– Прошу, – не разгибаясь, он сделал жест рукой, приглашая пройти к шлюзу.

В исполнении григорианца это выглядело зловеще, словно он приглашал меня к столу, где я стану главным блюдом. Я любезно улыбнулась, одернула форму… А затем одернула себя: я вела себя как рабыня… Но и женой генерала я себя еще не ощутила.

Я хотела снова быть Ривой. Той самой, которая ворвалась в поле маковника, наплевав на запрет.

Солдат пошел за мной. Когда устроился со мной в кресле по соседству и пристегнул ремни, я поняла, что это моя охрана. Через минуту присоединился еще один, и пилот дал знак, что взлетаем.

Сердце часто билось, и я была готова воспарить от эйфории и невесомости. Хорошо, что меня пристегнули. Солдат слева был в потрепанной серо-металлической броне с белыми вставками. На боку висел кинжал, но другого оружия не было. Второй выглядел и вооружен был так же, только ножа у него два – и покрупнее.

Стало интересно почему, и чтобы не уподобиться рабыне, я спросила:

– Почему у вас нет другого оружия?

Они переглянулись, тот, что с двумя ножами, ответил:

– На базах запрещено. Григ подписал соглашения.

– А почему вы вооружены по-разному?

– Я старше по званию, – ответил он. – При нападении я буду защищать вас, Эми-Шад, а он вас закроет. Я для вашей защиты, а он от вашей смерти. Поэтому у меня два ножа, у него один. Вторая рука его должна быть свободна, чтобы держать вас.

Глава 6

Солдат невозмутимо выслушал речь офицера. Его не беспокоило, хотя говорили о его потенциальной смерти. Надеюсь, на нас не нападут.

Я умолкла, увлеченная видом из иллюминатора: прекрасная сияющая база из прозрачного полимера, металла и огней напоминала игрушку. В детстве у меня была такая: сфера из пластика, а внутри балерина. Она танцевала, если потрясти и на балетной пачке вспыхивали искры. Станция напомнила ту балерину.

– Как называется база? – спросила я.

– «Веста», – ответил офицер. – Международная станция во имя мира.

Зал прилета вскружил мне голову. Я посмотрела вверх и чуть не потерялась: потолок был прозрачным и по нему ходили люди, а выше был еще один уровень, и еще. Этажи с прозрачным полом убегали ввысь друг за дружкой.

У меня закружилась голова.

– Эми-Шад? – солдат предупредительно наклонился ко мне.

– Все хорошо, – я тихо рассмеялась от восторга и осторожно двинулась вперед, стараясь не смотреть ни вверх, ни вниз. В зале прилета пол тоже был прозрачным.

Ни дверей, ни переборок – только огромные ворота-вы-

ход, похожие на арку. Не знаю, как они предотвратят утечку атмосферы, случись разгерметизация. Совсем не боятся войны? Или за восемь лет технологии сделали скачок, который я пропустила, и у гражданских появились новые способы?

Сразу за воротами начиналось широкое фойе. Хорошо, здесь пол металлический. Не знаю, как бы ходила, будь он везде прозрачным.

– Одежда, – напомнил сопровождающий и мягко придержал за локоть, направляя в соседний коридор.

Я не стала спорить. Не уверена, что мне это дозволено, пусть я жена генерала Шада. Все знают, что генерал Шад взял в жены рабыню.

Оказалось, мы шли к лифтам. Поднялись на два уровня вверх, и я очутилась в царстве моды сразу, как вышла из кабины. Фойе отделано в строгих черно-белых тонах, а девушки перед витринами магазинов – зазывалы, одеты очень строго. Одинаковые серые платья, волосы намазаны гелем и убраны в строгие кренделькы на затылке. Ни украшений, ни косметики. Здесь одеваются жены и наложницы высокопоставленных мужчин, обслуживающий персонал должен выглядеть как мышки.

Когда я подошла к ближайшему магазину, девушка с дверей низко мне поклонилась, улыбаясь. Вблизи я рассмотрела, что кожа равномерно покрыта сероватым гримом, уродующим лицо, а ресницы острижены. Ногти короткие, а под

платьем оказалась изуродована и фигура – грудь утянута, на боках накладки, которые делали их шире.

– Рива Эми-Шад! – объявил меня офицер и я испугалась.

Меня впервые представили так громко, жестко и торжественно вне корабля Шада.

На мгновение показалось, что сейчас девушка рассмеется и прогонит меня – ненастоящую госпожу, рабыню. Но она еще ниже поклонилась и изящным жестом пригласила в салон.

Чего здесь только не было!

Наряды из разных уголков вселенной: была одежда и с Иларии. Наши традиционные платья до пола, прямые, с двумя разрезами по бокам и закрытым воротником. И цвета наши, национальные: небесно-голубой, маково-красный.

Я улыбнулась, радуясь, словно встретила гостя, дорогого и редкого. Но улыбка исчезла. Я скучала по дому, но понимала: прошлого не вернуть. Больше я никогда не полюблю дом так, как любила в детстве.

Я отвернулась и просмотрела следующий ряд. Девушка навязчиво улыбалась, изящными жестами рук предлагая то одно, то другое платье, словно немая. Я наугад выбрала несколько, а она, подобрав нужный размер, расстелила их на столе.

Пальцы девушки скользили по шелковым невесомым подолам, показывая красивые складки, сложнейшую вышивку, каждый камешек на отделке пояса. Я расправила платье, и

сразу ощутила отвращение – слишком пышное, нарядное, оно напоминало платья офицерских жен со «Стремительного», когда они приезжали к мужьям и те устраивали бал в главной кают-компании.

– Нет, – сказала я.

Она безропотно убрала отвергнутый наряд.

На столе появилось следующее и руки девушки вновь порхали над ним. Светло-розовые юбки из миллиона слоев тончайшей ткани, кант на коротких рукавах, белые цветы на подоле.

– Беру, – сказала я.

Цветы очень понравились – нежные, а главное, не напоминают ни о чем.

Следующее платье. Тоже отвергла. Девушка повернулась и показала на брючный костюм за ней. Брюки напомнили рабскую форму Лиама.

– Нет. Скажите, у вас есть такие же, других цветов? – я расправила отобранное платье. – Почему вы постоянно молчите?

– Она немая, Эми-Шад, – ответил за нее мой солдат. – Это безгласая рабыня.

– Что? – я обернулась. – Безгласая?

– Эми-Шад много провела времени на корабле, – пробормотал офицер. – Рабов, которым не нужен голос, во время войны его лишили. Вы не знаете. Она вам не ответит.

Я потрясенно уставилась перед собой, затем собрала

несколько платьев и попросила офицера заплатить. При себе денег у меня не было. Напоминание о войне вернуло меня в чувство.

Говорили при ней, но девушка вежливо улыбалась, словно не слышала, о чем мы говорим. Слуха ее не лишали, я сама убедилась. Я не смогла смотреть ей в глаза.

На «Стремительном» казалось, что я живу в аду.

Ад был заключен в его корпусе, а за ним – счастье и свобода. Оказалось, это не так. Война затронула всех и навсегда изменила всех. Теперь нас обслуживают безгласые рабыни. Где же свобода, равенство, обещанные нам?

Может, и ею заплатила страна, позволила сделать из юной девушки немую и бесправную? Восемь лет на «Стремительном» я провела в яйце. И теперь «скорлупа» треснула, только мир открылся плохой.

– И много таких рабынь?

– Хватает, Эми-Шад, – вздохнул офицер, двигаясь вровень со мной по рядам. – Кто бы захотел работать здесь... Это делают рабы.

– И всех лишают голоса?

– Зачем он им? Требовать свободы?

Слова прозвучали жестоко. Мне казалось, они должны жалеть рабов, ведь Шад освободил меня… И офицер говорит сейчас с бывшей рабыней. Но на Григе такие же нравы, как и везде – жестокие нравы победителя. Проигравшие пусть льют слезы сами.

– Я хочу купить ту рабыню, – неожиданно сказала я. – Купить девушку из магазина. Можно?

Мы остановились. Я сложила руки замком и уперла григорианцу в грудь, словно молила. Мне не по рангу умолять офицера, но и к рангу своему я не привыкла.

Он взглянул на руки, затем в глаза.

– Эми-Шад, ваш муж сказал купить лишь одежду.

Я вздохнула и опустила глаза. Забыла, кто настоящий хозяин.

– Эми-Шад, – примиряюще сказал офицер. – Эта рабыня оценила бы ваше рвение, но иногда лучше оставить все как есть, чем вмешиваться, если вы не собираетесь дело довести до конца. Чем вы ей поможете?

– Я ее освобожу.

– И куда она пойдет? Что будет есть? Ей придется продавать себя, чтобы выжить, а так у нее есть кусок хлеба. Ваше сострадание голос ей не вернет, и семью тоже.

Я не часто прежде видела григорианцев. Только сейчас поняла, что мой офицер – уже пожилой мужчина. Он догадался, почему я прошу о рабыне. Глаза были не добрыми, но в них появилась суровость, с какой смотрят на сыновей и дочерей.

– Пусть она сама распорядится своей свободой, – ответила я. – Не решайте за нее.

– Вы еще слишком молоды, чтобы покупать рабов, – ответил офицер, хотя я по лицу видела, сначала он хотел сказать

что-то другое.

На корабле Лиама я каждую минуту мечтала о том, что освобожусь. Если бы мне кто-то предложил – я бы не стала ждать. Ни разу я не думала о том, что буду есть и как доберусь до дома, я бы просто бежала со «Стремительного» в никуда, как тогда, в поле маковника, и радовалась, что могу бежать.

Офицер по-отечески смотрел в глаза. Я не могла поспорить – рабыня в список покупок не входила. Рабыня не может иметь собственных рабов. Сделка недоступна. Простите, Эми-Шад.

Глава 7

На корабль я вернулась, смирившись с несправедливостью.

Офицер был прав. Я должна радоваться тому, что имею. Мне очень повезло.

В каюте было пусто, как и утром – я осталась совершенно одна. Переоделась в новое платье, а старую форму выбросила – мне хотелось проститься со старой жизнью навсегда.

Заняться было абсолютно нечем. Я прилегла на кровать в новом платье, рассматривая обстановку. Григорианцы не сказать, что скромно живут, но скромнее, чем любил Лиам. У генерала должна быть роскошная каюта – и она была неплохой, но и не такой, какими были каюты старшего состава на «Стремительном».

Все в темных тонах: темно-синий, черный. Черные стены создавали немного искаженное пространство и каюта казалась другой формы, чем на самом деле. Я так увлеклась, что пропустила момент, когда пришел мой муж.

Эс-Тирран застал меня врасплох.

Переборка отъехала в сторону, открывая его высокую фигуру – все еще в броне. Он стремительно вошел в каюту – словно на мостик, и я привстала, толком не зная, что делать и как приветствовать его. Как жена? Как григорианка? Как рабыня?

– Рива, – безучастно сказал он и ничего не добавил.

Это приветствие. Генерал дал понять, что заметил меня. Он вошел в каюту и подошел к кровати – прямо ко мне. Я торопливо села.

– Генерал, – ответила я тем же тоном.

Называть его по имени мне казалось слишком дерзким.

Он окинул меня взглядом: оценивал внешний вид. Помимо того, что я переоделась, соорудила еще и прежний «корабельный узел». Это платье тоже оставляло плечи открытыми, хоть и было с рукавом. Черные пряди выглядели контрастом на фоне белых плеч.

Я расправила юбки – они сбились в груду, пока я лежала.

– Почему ты не купила иларианскую одежду? – генерал подхватил невесомую ткань на ладонь.

Вопрос меня удивил. Какая ему разница, как одевается жена? Не все ли равно?

Но янтарные глаза уставились на меня – он ждал ответа. А если муж спрашивает, лучше говорить. Конечно, григорианка на моем месте обязательно бы заартачилась, послала бы его парой гортанных выражений, если бы совсем достал. А ответь он тем же – могла бы вызвать на поединок. Правда до этого доходит редко. На их планете нет разводов – пара живет всю жизнь вместе. А раз так, не стоит доводить до крайностей.

– Не знаю, генерал.

– У иларианских женщин такие красивые платья, – про-

должил он. – Воздушные, длинные, как свадебный убор. И такие красивые корсеты под ними. Как они называются?.. Такое слово… торжественное и печальное…

– Грация, – прошептала я. – Откуда вы знаете?

– У меня были женщины с Иларии.

– У нас не спят с иноземцами.

– Не спят, – согласился он и встряхнул ткань. – Почему ты выбрала это?

– Не знаю, – я по привычке подбирала слова, словно отвечала Лиаму. – Я хотела, но… Даже примерить не смогла. Они как будто меня обжигали.

– Правильно, – согласился генерал, отпуская ткань. – Тебя продали в рабство. Если у тебя есть достоинство, тебе должно быть противно. Что ж… Хотя бы цвет не рабский.

Он отвернулся и заковылял мимо. Я так и не спросила, что у него с ногой.

Я наблюдала, как он снимает броню, потом сидит на кровати, уставившись в одну точку. Его мысли были далеко отсюда – от супружеской постели и от меня.

Я шевельнулась, зашелестели юбки, и генерал вынырнул из воспоминаний.

– Ложись спать, – бросил он. – Завтра трудный день. Мы прибываем на Иларию.

Я робко легла в жесткую постель к нему лицом. Не раздеваясь, не готовясь ко сну. Чувствовала себя скованно рядом с ним, в его каюте. Такой я не ощущала себя уже очень давно

– даже в кают-компании «Стремительного».

Он сказал, что завтра отвезет меня домой. Мне хотелось расспросить: когда, во сколько, хотя бы порадоваться, но душа была пустой, а говорить первой страшно.

Эс-Тирран все понял сам.

– Хочешь что-нибудь спросить?

– Я смогу увидеть родителей?

– Для этого я тебя туда и везу, – бросил он и снова уставился перед собой. Сгорбленная спина, руки он положил на колени и бицепсы расслабились. Если это можно назвать бицепсами, конечно. Худые, жилистые.

– Генерал… Шад, – не зная, как обратиться, я выбрала компромисс. – Я хотела поблагодарить вас… За то, что вы освободили меня. Я буду признательна всю жизнь за то, что вы вернете меня к родителям.

Он резко обернулся. Глаза изменили выражение: стали холодными, как у коршуна. Пронзительно-желтыми – или оттенок изменило освещение? Что его разозлило?

– Я не верну тебя родителям, – отрезал он.

Я привстала, комкая подол платья.

– Разве я не сделала того, что вы хотели? Не принесла вам клятву?

Я осеклась, когда произнесла это слово. Да, клятвы важны. Но что стоит генералу оставить меня дома – все знают, что наш брак просто политический шаг. Ему же будет так лучше: он сможет жить без оглядки на то, что его жена не

относится к его виду.

На Григе это как клеймо на лоб. Нет, осуждать его не будут. Но и многие двери перед ним закроются. Почему меня не оставить на Иларии? Мы можем числиться супругами, но не будем мозолить друг другу глаза.

– Мы взаимно клялись, Рива, – ответил он. – Мы можем заключить союз по иларианским традициям, если хочешь, но разорвать его не можем. Это навсегда. Что про меня скажут? Жена Шада не держит слова! Меня отлучат от династии, ты же этого не хочешь?

– Вас и так отлучат от династии, – тихо сказала я.

Шад промолчал. Он это знал.

– Ложись спать, – отрезал он. – Не доставай меня.

Я лежала, рассматривая потолок. В глазах стояли слезы и зрение туманилось: меня пугали его слова. Возможно, не так, как будут через год или пять лет, но этот брак не был мне нужен иначе, чем спастись от Лиама.

Чем это будет отличаться от прежнего рабства, если я не могу уйти?

Но я согласилась платить эту цену сама. Своими руками мы творим не только судьбу, но и самые страшные ошибки. Не знаю, что будет дальше, но пока знаю, что не жалею. Я хотя бы побываю дома. Увижу маму. И самое главное – Лиам больше не придет за мной.

Мама, я так давно не видела тебя!

Я предвкушала эту встречу. Приподнятое настроение не

оставляло меня с самого утра, а улыбка липла к губам. Я не могла ее согнать – и впервые за годы не хотела. По случаю возвращения я надела новое платье – с цветами на подоле, только другого цвета.

Увижу маму, отца, подруг… Ох, какие подруги, всех наверняка разметало кого куда за годы. Наверное, замужем многие, карьеру строят. Столько новостей будет у всех! А мама? Как она обрадуется, когда я прилечу. Она уже знает, что я свободна – генерал прилетал к родителям, прежде чем жениться на мне. Взял кольцо… Утром я его надела. Просто, чтобы быть ближе к маме.

Надеюсь, мне разрешат побыть здесь подольше. В конце концов, какая нужда торчать рядом с Шадом? Возможно, он еще передумает. Пусть через год, но отошлет меня к родителям, когда совсем надоем.

Мне было так легко и хорошо, что сама поверила в это.

На планету мы прибыли на шаттле. Я думала, полечу одна, но генерал ко мне присоединился.

– Не радуйся сильно, – вдруг сказал он.

– Почему? – моя улыбка мгновенно увяла.

– За годы многое утекло, – мрачно сказал он и ничего не объяснил.

Я еще не привыкла поддерживать свободный диалог. Похоже, Шад не хотел продолжать. Отвернулась к иллюминатору: ветер гнал волну по полю красного маковника. Какая чудесная картина!

Сели мы неподалеку от нашего старого дома. Мы жили за городом – и площадок для посадки тут хватало. Даже хорошо, что здесь, а не в городе. Там плотный трафик, а шпили делового центра просто наказание для пилота, если садиться приказали на крыше.

Я покинула шаттл и пошла к дороге. Слева было поле маковника, справа – желтой сонницы, которую тоже используют для успокоительных средств. Я шла легко, быстро, а потом даже пробежалась, радуясь солнцу и цветам, которые колыхались от ветра.

Запах маковника дурманил. Сонница не пахла ничем, зато умела поворачивать головки вслед за солнцем, и застывала в одном положении на закате, словно прощалась с ним. Я восемь лет не была дома!

Не знаю, шли ли за мной солдаты и Шад, мне было все равно, даже если жене григорианского генерала такое поведение не пристало. Дорога быстро привела к домику.

Ничего не изменилось. Ну, почти.

Тот же светлый дом, что я помню: ремонт новый, но очень похож на тот, из моего детства. Бежевые стены. Белая крыша из ракушечника, мамина клумба с экзотическими цветами. Чего у нее только не было! Все цветы не наши. Она тщательно ухаживала за ними: голубые полупрозрачные колокольчики, яркий цветок-кувшинчик, древесные вьюнки – много, очень много! Те цветы, что не могли расти в нашей атмосфере, прятались под колпаком. Мама поддерживала там нуж-

ный микроклимат. Колокольчик качнул бутонами – он всегда так делает, когда к нему наклоняются. Мамин колокольчик боится чужих. А чужие ему все – кроме мамы.

Меня вдруг ослепило понимание, что большинство цветов уже другие – слишком много времени прошло с моего детства, чтобы они были теми же. Клумбу окружал белый заборчик из ракушечника.

Похоже, в доме никого. Нас не ждали? Ведь генерал наверняка предупредил, когда мы прилетим.

Я обошла дом и попала на задний дворик, усыпанный мелким белым камнем. Он приятно шуршал под ногами, пока я шла к садику и беседкам. Мы любили отдыхать здесь летним вечером: на закате поле выглядело чудесно, потому что солнце садилось у нас за спинами, и сонница смотрела прямо на нас, ветер приносил сладкий запах маковника и воды с водных каскадов. Пели вечерние птицы: выводили трели, похожие на звуки свирели. Как было хорошо!

В беседке, увитой вьюнкой – самой настоящей, а не стилизацией, я увидела женский силуэт и встала как вкопанная. Внутри была тень, я не видела, кто это. Но догадалась… Женщина ставила чайник на подставку, собирая стол к чаепитию, с края лежал букет полевых трав.

– Мама! – крикнула я.

Глава 8

Она резко обернулась и вышла, вытирая руки о полотенце.

На ней было незнакомое платье – широкое, кажется, домотканое. Мама раньше сама ткала ткань, если было время. Кажется, оно у нее и сейчас есть. Как это странно ощутить: пока я была на «Стремительном» и рвалась сюда, проклиная судьбу, они жили. Ткали ткани, строили беседки, работали, заваривали чай, ели, смеялись, улыбались. Они жили – у них жизнь текла, а не застыла в стазисе, как моя. Они шли вперед, меняя взгляды, вкусы, настроения. Я этого была лишена, застрявшая в том возрасте, когда меня забрали, обуреваемая одной мечтой, одним желанием – вернуться.

И теперь, когда мечта сбылась, она меня опустошила.

Потому что здесь меня не так сильно ждали, как ждала я.

– Мама, – прошептала я и остолбенела.

Это несомненно была она… Но уже другая. Старше, с другой прической, другим выражением глаз. Они поразили меня больше всего – настороженные и чужие. Мама фальшиво улыбнулась.

– Рива! – она обняла меня, но аккуратно, как чужую.

Прежняя близость куда-то улетучилась. Это от неожиданности, точно знаю. Потому что мы еще не привыкли друг к другу, к тому, что я свободна. Наверное, она тоже никак не

может привыкнуть.

Мамино платье на спине натянулось. Я ощущала под ладонями ее тепло – как в детстве, но такого же чувства не возникло. Я испугалась, неужели все ушло? Я взрослая, мне так хотелось нырнуть туда, в прекрасные детские воспоминания, когда мы были вместе и не случилось плохого. Неужели нас разлучили не только физически, но и духовно – навсегда?

– Мама! – из домика выбежал мальчик и остановился, увидев, что мы обнимаемся. Лет пять-шесть. Мой брат? Я никогда о нем не слышала, даже не знала. – Отпусти маму! – возмутился он.

Я осторожно убрала руки и только теперь под просторным платьем увидела округлившийся живот. Я крепче сжала руки и зажмурилась. Мама… Больше не моя. Дважды не моя.

– Рива, – приветливо повторила она. – Я так счастлива, что ты здесь! Вот папа увидит…

Она спрятала глаза и вернулась в беседку – заканчивать приготовления.

– А где твой муж? – скованно спросила она, и у меня упало сердце.

Тон, взгляд, мама, конечно, меня рада видеть, но дело еще кое в чем. В моем муже. В том, что я жена чужеземца.

Это ведь не по доброй воле. Не потому, что я полюбила генерала Эс-Тиррана и вышла за него, наплевав на наши традиции. Я это сделала, чтобы освободиться.

С момента своего замужества я не думала об этой пробле-

ме. Я теперь его жена. Пусть фиктивно, не по-настоящему, но на Иларии такие браки не в почете.

– Рива, – позвала мама за стол.

Сына она загнала в дом и теперь сидела и улыбалась. До меня дошло, почему так тихо, почему никто не встретил меня. Хотели решить по-семейному, а не публично, потому что родители не хотели огласки.

Она налила мне чаю в белую чашку – я таких не помнила. Чай был красноватый: с лепестками сонницы и маковника. Сладкий, обжигающий дурман, дающий мгновенное успокоение. Только не мне. Мои раны травами не залечишь.

Мама устало опустилась напротив – себе ничего не взяла. Хотя в ее положении не повредит. Ей нельзя нервничать.

– Мам, а что говорят про… – я не сразу нашла, как продолжить.

Мне казалось, это должно быть событие – мое возвращение.

Нас угоняли в рабство тысячами – это не прошло бесследно. Официально пусть не было национального траура, но десять тысяч семей потеряли детей. Неужели никто не придет, не спросит у меня о них? Никто не порадуется, что хотя бы я вернулась? Я живое свидетельство тех горьких времен.

– Мама, что говорят про нас? – решилась я. – Никто не вспоминает… Не ищет выходы, чтобы забрать нас обратно?

Я все еще говорила «нас», потому что сердцем осталась там, по ту сторону линии фронта. Мама горько смотрела на

меня.

– Рива, к чему бередить раны? – тихо спросила она. – Ты вернулась, и я счастлива. Но какой ценой, дочка? – она наклонилась и сжала руку. Волосы выбились из-под косынки – точь-в-точь, как мои. – А другие дети не смогут вернуться. У нас теперь…

Она почему-то замолчала, рассматривая гуляющий под ветром маковник.

– У нас не принято вспоминать поражение, – закончила она через силу. – В день окончания войны праздник устроили, а день капитуляции, будто не было его. И будто детей не угоняли… – мама взглянула мне в глаза. – Никто вспоминать не хочет. Будь надежда, мы бы надеялись, ждали. А ее нет, Рива, они не вернутся. Вот мы и не хотим вспоминать…

– Мама! – я не смогла найти слов, меня переполняли чувства. – Мама, мы тоже ждали! Мы только об этом и думаем, да я… Я была готова на все, чтобы вернуться.

– Знаю, – вздохнула она. – Но восемь лет, это долго, Рива. Ты молодая, еще не понимаешь, – она нахмурилась, и на темном лице появились тени, а между бровями – суровая складка. Видно, что за годы эта морщина стала привычной, хотя раньше ее не было. – Иногда проще забыть, чем есть себя всю жизнь. Проще малым пожертвовать, чем всем.

Она кивнула на дом, где прятались дети.

– Вот, мне их надо на ноги ставить. А как? Скажи мне? Папа поле уберет, кто возьмет у нас урожай? Кто ссуду даст?

– она наклонилась, сцепив на столе натруженные руки. – Кто даст кредит на новые семена для следующего года? Кто, если наша дочь живет с григорианцем... Замуж вышла!

– Мама, – пробормотала я, чуть не плача.

– Что мама? Прости… Ты знала, что браки с чужими – табу.

– Ма… – я осеклась на полуслове. Что ей докажешь? – А где папа? Он придет?

– Придет, – вздохнула она и опустила глаза, пальцы гладили хорошо струганные доски стола. – Конечно, ты все же наша дочь, чья бы ни была жена.

– А не потому ли она моя жена, – раздался за спиной вкрадчивый голос генерала. – Что твоя страна продала ее?

Я резко обернулась: Шад стоял за спиной, на полпути к беседке. В окне маячили лица детей – им было интересно посмотреть на григорианца.

– На ваш вопрос я не отвечу, – мама сердито смотрела в стол.

У меня екнуло сердце, стало страшно – над столом повисло напряжение, густое и тяжелое, как перед боем. Я не хотела ругаться. Не хотела этих взглядов, осуждения, придирок, не хотела слышать, что не права….

А больше не хотела убедиться, что пошла на все зря – взамен ничего не получила, кроме упреков. Родная семья отвергает.

– Не злись, – умоляюще сказала я. – Пусть дети выйдут,

ничего не случится, мам. Прошу, давай хотя бы вечер побудем вместе.

– Прислушайтесь к дочери, – резко сказал генерал. – Завтра мы улетаем.

После этих слов мама подобрела. Едва заметно, но успокоилась, и мое сердце окончательно провалилось в пропасть.

Я лишняя. Лишняя дочь, ненужное напоминание о стыде и провале своей страны, позорное – черное, рабское пятно на белоснежных одеяниях общества. И оно больше ничего не хотело обо мне знать, вычеркнув вместе с позорными страницами истории.

Моя семья сделала то же самое. Без меня всем жилось лучше.

Папа пришел под вечер. Уже собиралась темнота, багровые тучи вот-вот были готовы пролиться дождем. Снял шляпу, выбил об колено от пыли. Его волосы топорщились во все стороны – он работал в сушилке. Влажность, потом жара – волосы от этого портятся, а еще кожа, руки. Даже глаза, казалось, становятся водянистыми в окружении темного, будто прокопченного лица, покрытого морщинами.

Я любила папу.

Но ждала его с замиранием сердца. Как он меня встретит?

– Разбойница, – он неожиданно подмигнул, потрепал по голове и крепко-крепко обнял, косясь на Шада. Тот бродил по заднему двору, судя по всему, ему не нравилось здесь, но и оставить меня одну он почему-то не хотел. – Все будет

нормально! Как дела? Скучал страшно!

– Хорошо, – я глупо улыбнулась.

Папа вел себя так, словно мы расстались на пять минут, а не на восемь лет. И я ходила погулять в парк, а не была в рабстве. Что хуже – мамина прямота, или деланая беззаботность, не знаю. Одинаково жестоко.

Мы ужинали в тишине. Папа перекинулся парой слов с мамой, спросил о самочувствии. Спросил меня о планах, мама молчала, у нее дрожали руки. Детей она так и не выпустила из дома. Генерал Эс-Тирран ходил по саду и нетерпеливо ждал, пока мы закончим.

Я едва терпела. Мне хотелось вскочить, убежать и расплакаться в укромном уголке. Этот фарс делали для меня, но я хотела другого. Близости, тепла – хотела получить обратно свою семью. Только ее не было. Когда-то ее уничтожили приклады солдат, отбившие меня у родителей. Не всем дано такое пережить, и не все с этим справятся.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я за ужин. – Мама, папа, наверное, я сегодня вернусь на корабль. Не хочу вас стеснять.

Генерал настороженно остановился, глядя на нас. Я еле выталкивала слова, с трудом их подбирала, а родители с интересом и испугом смотрели на меня. На лице папы читалось облегчение. Мамина ложка звенела в чашке. Она все-таки выпила чаю с маковником.

– Конечно, дочка, – сказал он. – Тебе лучше быть с мужем.

Не беспокойся за нас.

Я резко встала, через силу улыбнулась, кивнула и пошла обратно к дороге, стараясь держаться хотя бы до тех пор, пока не сверну за поворот. Дальше я побежала, беззвучно рыдая и уткнувшись носом в ладонь.

Генерал нашел меня, рыдающую на обочине поля маковника.

– Рива, – янтарные глаза прищурились. – Прекрати. Вставай. Ну что, еще хочешь остаться?

– Вы знали, – пролепетала я.

– Что знал? – спокойно спросил он.

– Что меня прогонят, – я всхлипнула, утирая лицо. Григорианка не стала бы плакать, под сердце бы кинжалом пырнула. – Вы предупреждали меня…

– Нет, не знал, – вздохнул он. – Это было очевидно. Трусы всегда прячут свой позор за громкими фразами и красивым фасадом. Свой позор они гонят. А твой народ – трусы. Проиграли и отдали своих детей. Идем.

Он протянул руку. Подумав, я обхватила шершавую кисть и поднялась.

Мы неторопливо пошли по дороге к площадке. Солдат рядом не было.

– Приятный запах, – заметил генерал.

– Это маковник… Запах моего детства, – я невесело улыбнулась и поняла, что груз уже не давит, наоборот, меня отпустило. Детство-то осталось прежним: счастливым, звонким,

веселым. Война пришла потом.

– Мне пора домой, – сказал генерал. – Полетим на Григ, там я представлю тебя семье, а дальше решим, что делать.

– Хорошо, – не стала я спорить.

Решим. Это говорило, что ему тоже нелегко смириться со своим положением. Вряд ли семья отнесется к нему так жестоко, как ко мне. Но радости от свадьбы генерала будет немного.

– Не волнуйся, – сказал он, видя, как я ломаю руки. – Ты моя законная супруга… Я не дам тебя в обиду.

Я стояла у иллюминатора и ждала, не придет ли кто на площадку попрощаться. Хотя бы мама… она не может не прийти, она ведь меня родила. Неужели я ничего для нее не значу? Когда меня забирали, она бросалась на солдат. Отца избили прикладами, когда меня уводили, а ее офицер запер в комнате. Я до сих пор помню ее истошные крики «Рива! Рива! Не трогайте мою дочь!».

Неужели все? Меня увели, отплакали, откричали – и предали забвению вместо земли, раз похоронить нельзя. Так и похоронили заживо – в умах. Живые трупы видеть неприятно: они смердят и о себе напоминают.

– Эми-Шад, займите место, взлетаем.

Я грустно оглянулась на телохранителя и вернулась к креслу. Она так и не пришла. Как же так, мама? Это ведь ты меня ругала за ту выходку в поле маковника. Это ты меня научила уважать себя.

Глава 9

У моего мужа суровая родина.

Особенно к чужакам.

Из иллюминатора я рассматривала дымчатый диск планеты. Военный корабль слишком велик для посадки, мы вновь пересядем на шаттл. За завтраком Шад обмолвился, что несколько лет не был дома – война не щадит даже победителей.

Завтрак тоже проходил интересно. Мы впервые ели вместе – одной семьей. Я как ксено-этик многое знаю о григорианцах, но что это значит – изучить чужую страну и обычаи по книгам? Когда попадешь туда сам, голова пойдет кругом. Так и со мной. Знала я много, но видела впервые.

Мы ели вдвоем. На «Стремительном» я привыкла есть одна или с другими рабами, но офицеры ели вместе. Здесь не так. Здесь командный состав ест в одиночестве или с членами семьи – как вышло со мной. Правда, я исключение. У них не принято таскать родню на войну просто из-за того, что ты по ним скучаешь. Это на «Стремительном» высший состав любил держать рядом жен и любовниц.

Ничего шикарного нам не подали: несколько ложек высокомолекулярного белка с комплексом аминокислот, немного сложных углеводов… Интереснее сам вкус. Острая, соленая пища обжигала рот. Я с трудом ела, хотя Шаду она никакого

дискомфорта не доставляла.

Я знала, что они традиционно любят острые вкусы. Но не знала, что настолько. Мне до конца своих дней придется мучиться, давясь этим?

Заметив, что я перестала есть, Шад прищурился.

– Трудно есть? – понял он. – Я скажу, чтобы тебе делали другую пищу.

– Спасибо.

Я убрала вилку и ждала, пока Шад доест. Он и так оказал честь тем, что я не ем одна.

Пока я совсем не привыкла к нему – не понимала, какой у нас статус. Кто мы друг другу? Настоящие супруги или связанные клятвой лишь внешне, а внутри своей неправильной семьи мы другие? Да и нет никакой семьи. На Григе понятие «семьи» свое. Я волновалась, не понимая, как меня воспримут его родственники.

Он генерал, значит, семья родовитая. Там не потерпят кого попало.

Сердце по-заячьи сжималось от страха. Я боялась, что и тут навсегда останусь чужачкой, рабыней, пустым местом. Приложением к генералу Эс-Тиррану, ничего не значащим и жалким. Нечто, чему принесли в жертву высокопоставленного военного. На Григе это важная каста. Только военные могли претендовать на престол – присоединиться к династии монархов. И происхождение тут имело меньше значения, чем заслуги в войне. Но претенденту нужно соблю-

дать несколько правил. Не стать предателем, не быть осужденным, не быть опозоренным в бою. И самое главное: быть женатым на григорианке.

Своей женитьбой на мне он лишил себя множества возможностей.

Лишил будущего.

Меня могут за это возненавидеть, особенно, если он был единственным в семье.

Что ж, он пошел на это добровольно… Я рассматривала его и пыталась понять, что меня ждет и где мое место. Но самое важное, что в моем будущем нет Лиама и черной формы.

Сегодня я надела короткое платье: так здесь принято. Длинную одежду григорианцы не носят, заменяют ее плащом до пят во время песчаных бурь. Остальная одежда короткая – и у женщин, и у мужчин. Броня универсальна и в случае чего всегда подойдет в качестве одежды хоть на каждый день, хоть на торжественную присягу. Здесь внешний вид не главное, а броня – это почет и слава.

Мое платье было светло-зеленым.

Мне очень нравился цвет, когда я покупала его: он напоминал мне о зеленых полях Иларии, но сейчас стало грустно. Я оделась и с мужем пошла к шлюзам.

Во время посадки я увидела несколько высоких фигур на площадке.

Две женщины – они тоньше, уже в плечах. И один крупный мужчина. Женщины здесь служат наравне с мужчинами,

так что их присутствие меня не удивило. Солнце било прямо в глаза, слепило и делало мир внизу темней. Неподвижные черные фигуры, завернутые в плащи, казались зловещими. Его семья или военнослужащие?

Из шаттла мы вышли бок о бок, как полагается супругам.

Здесь жарко. Местами планета сплошь в песках и пустынях – поэтому у них кожа грубее человеческой. Я к такой жаре не привыкла, особенно после службы на «Стремительном». Солнце било и пекло, воздух был раскаленным настолько, что от посадочного покрытия площадки пахло пластиком, так сильно он был нагрет.

От группы отделилась женщина – ниже остальных, а значит, моложе, и сбросила капюшон на плечи.

Тонкое лицо с сероватой кожей и полыхающими янтарными глазами напоминало лицо Шада. Лицо было воодушевленным, словно она вела за собой в бой. Родственница? Подруга? Может быть… бывшая невеста? Волосы, заплетенные в тонкие косички, были убраны под плащ. У мужчин волос почти нет, но у григорианок бывают – какой-то атавизм. Они редкие, но считаются признаком красоты и их носят в косах. Тонкий нос, подбородок – тонкокостный, аккуратный, что даже сделал бы честь девушки с Иларии. Он дрожал, словно она была перевозбуждена или в ярости.

Ее глаза были устремлены на Шада.

– Шад Эс-Тирран! – выкрикнула она.

– Шантара, – спокойно ответил он. – Счастлив видеть тебя

здоровой.

– И я, брат! – на мгновение она прикрыла рот тонкими узкими ладонями с длинными красивыми пальцами и всхлипнула. Через мгновение она обрела прежнюю уверенность и выпрямилась, гордо глядя на него. – Теперь я зовусь Эстра-Шад! Еще долго будут говорить: твой брат женился на иларианской рабыне, чтобы убить ее хозяина. О твоей жертве будут помнить. Ты наш герой! Это она?

Все уставились на меня.

Все-таки семья. Отец, мать и сестра.

Григорианская семья складывалась вокруг главы и фамилии получали от его имени: дочь, сын, жена такого-то. Как я стала Ривой Эми-Шад – женой Шада. Но если один из членов семьи отличился, остальные имели право образовать новую фамилию и называться не дочерью или сыном, а сестрой, матерью или отцом. Для непосвященных это выливалось в страшную путаницу кто кем приходится. Супружеские связи роли не играли, только личное желание – его сестра могла выйти замуж, и все равно зваться Эстра-Шад, хотя ее муж вряд ли обрадуется, что оказался не таким именитым, как ее брат.

Его мать оказалась высокой, красивой – с их точки зрения. Длинные волосы, сплетенные в несколько кос, были медного оттенка с прокрашенными яркими прядями. Никакого значения я этому не вспомнила, а значит, мода. Возможно, она это сделала в честь победы в войне, в противовес традиции

их женщин красить пряди волос в черный в честь траура. Однажды я видела похоронную церемонию, земле предавали погибшего военного среднего звена. Его дочери, супруга и пожилая мать прокрасили волосы черным, наподобие как наши женщины покрывают голову черной тканью. Но раздавленными они не выглядели. Напоминали опасных птиц из-за желтых, неумеющих плакать глаз, и этих волос, похожих на хищное оперение.

В коротком белом платье мать Шада, статью и прямой спиной, развернутыми плечами, напоминала неизвестную богиню войны и охоты. Птичьи глаза, не мигая уставились на меня – прекрасные, ясные, но абсолютно бесчувственные.

Я непроизвольно съежилась, но она молчала. Ни слова. Только смотрела.

Этого было достаточно, чтобы я опустила взгляд первой. Я ей не нравилась, но она смирилась со мной. И мне внезапно стало стыдно перед ней, как становится стыдно перед матерью. Я закрыла двери в будущее ее сына, хоть моей вины в этом не было. Она не обвиняла меня, потому что знала это.

– Рива Эми-Шад, – поприветствовала она меня.

Мне нравились их приветствия: назови имя, и его обладатель поймет – его заметили и оказали честь.

– Лиана Эми-Тирран, – произнесла я в ответ.

Она убрала тонкую руку со своего кинжала, и я выдохнула. Мать Шада дала понять, что принимает меня и будет гостеприимна.

Отец взглянул на меня лишь раз, грозно сверкнув глазами. Высокий – выше жены, он производил устрашающее впечатление, и ладонь не снимал с рукояти кинжала. Он глава и дал понять, что будет защищать семейство. Но он тоже назвал мое новое имя.

– Будьте нашими гостями, – сказала мать и пригласила нас за собой изящным жестом руки.

Мы добрались до дома. Я чувствовала себя неуютно и скованно – все чужое и вряд ли когда-нибудь станет моим.

Семья Шада жила в отдельно стоящем каменном доме. Приземистом, несмотря на второй этаж и еще надстройку сверху. Это впечатление производили раскинувшиеся «крылья» дома. Большой родовой дом был рассчитан на несколько семей, но время кланов уходило в прошлое – дома пустели. Под одной крышей предпочитали оставаться только близкие родственники.

Серого цвета, он производил бы мрачное впечатление, если бы не яркая лужайка, усыпанная мелкими цветами по зеленой траве. Цветы мне сразу понравились. Я почувствовала себя спокойнее и присела на корточки, чтобы поприветствовать незнакомые растения. Они напоминали маленькие белоснежные бутончики с острыми лепестками. Вблизи запах оказался потрясающим: сладковатый, с чем-то фруктовым.

Я уже протянула ладонь, чтобы потрогать эту прелесть, как вдруг сестра Шада, гортанно ругнувшись, пнула меня по руке.

– Проклятие древних! Ты что делаешь, тупая башка?!

Рука мгновенно онемела и налилась свинцовой болью. От неожиданности я упала в пыль и испуганно уставилась на нее. Я не поняла ее гнева. Лихорадочно копалась в памяти, пытаясь вспомнить табу и запреты. Может, это ритуальные цветы и их запрещено касаться?

Глава 10

– Это отрава! – проорала она. – Не трожь руками!

– Спокойно, Шантара, – недружелюбно процедил ее брат и протянул мне руку, чтобы подняться. – Она не знала.

– Так следи за своей женой, – она бросила на него взгляд, полный вызова. Из-под век полыхнуло янтарным, она запахнула плащ и ушла, покачивая бедрами, к дому вслед за родителями.

– Эти цветы высаживают для аромата, потому что они отпугивают насекомых, – объяснил он. – Трогать их нельзя. Они смертельно ядовиты.

– Смертельно? А если кто-нибудь потрогает?

– До тебя это никому не приходило в голову. Идем в дом.

Я нерешительно пошла за ним. Сердце билось в груди громче обычного. Меня дико перепугала его сестра – агрессией и криком. Да и выглядела она решительной и опасной, как и многие родовитые григорианки.

Опасаюсь, она не простит мне загубленную жизнь брата.

Жаркий день мы провели в тиши и прохладе их сада.

Беседка в отличие от наших была каменной. Но, как ни странно, идею я оценила – там было тихо, прохладно и сумрачно. Идеальное убежище от жары и дурных людей. Мне сразу там понравилось. Это было прямоугольное строение, вход напоминал лаз в какой-нибудь склеп или грот – внутри

было темно.

Но когда я вошла, оказалось, что на стенах светильники, а в центре сложен стол – тоже из камня. Его окружали каменные скамьи. Здесь не было насекомых, возможно потому, что беседку окружала узкая дорожка высаженных цветов, за которые я получила от Шантары по руке.

Еды не подали, да и напитков мало. Только ледяной настой каких-то пряных и острых трав. Я боялась пить, помня о вкусах, но григорианцы спокойно пили напиток, правда медленно. Одного кувшина хватило на весь день.

Шад расслабился в кругу семьи. Я сидела рядом, по левую руку – как настоящая супруга, но молчала. Слишком страшно участвовать в чужих разговорах. Я не могла набраться смелости попросить воды или чего угодно, что можно пить и не обжигаться.

– Династия ищет нового преемника, – в пустоту сказал отец.

Над столом повисла такая густая и многозначительная тишина, что даже я догадалась, о чем идет речь. Мне стало страшно и стыдно, словно обсуждали меня. Так и было, только мысленно. Я понимала, к чему это было сказано.

Шад ничего не ответил отцу, и я была за это благодарна.

Неожиданно сгустилось напряжение. Они даже не смотрели друг на друга, но их сила будто столкнулась мысленно в старом противоборстве отца и сына. Сына, который, как считал отец, поступил неправильно.

– Не будем, – заметила мать.

– Все генералы побьются за право стать монархом, – возразил ей отец. – Кроме Шада.

– Это мое решение, – мрачно заметил он. – Выбирай, о чем говорить, если хочешь, чтобы я оставался в твоем доме.

В висках запульсировал страх, у меня даже в ушах зашумело. До головокружения я боялась стать причиной ссоры Шада с семьей. Я того недостойна – у них прочные семейные связи. Очень прочные.

Семья молчала.

Почти не чувствуя ног, я поднялась.

– Рива? – глухо спросил муж, тоном интересуясь, куда меня понесло.

– Прошу меня извинить, – пробормотала я. – Я бы хотела лечь.

– Служанка тебя проводит, – равнодушно сказала мать, и я пошла к дому вслед за девушкой-рабыней, обхватив себя руками и стараясь поменьше думать.

Спальня была тихой и прохладной.

Открытое окно, до пола занавешенное белой тканью, вытягивало ее наружу. Мне нравился сквозняк – я давно от них отвыкла. На кораблях сквозняков нет.

Низкая мебель, очень простая, без украшений: стол на толстых квадратных ножках, кровать, состоящая из монолитного прямоугольника, даже ножек нет. Сверху лежала разобранная постель. У окна плетеный стул. Вот и все. Неза-

крепленные деревянные рамы поскрипывали.

Я накинула петельку на ручку створки, чтобы не качало.

Мне нравилось, что здесь были только природные материалы. Дерево, настоящие ткани. Так приятно, и глаз и кожу ласкает, не дает забыть, что я свободна. В углу сложен небольшой очаг – тоже из натуральных камней. Кто-то тщательно обтесал и отполировал их, смазал маслом, чтобы блестели и не грелись сильно. Мне тоже хотелось иметь свой дом: пустить корни, заботиться о нем, смотреть в окно… Это чувство своей крепости, своей силы. Понимаю, почему здесь живут кланами – силы тебе придает мощь всего рода.

Оставшись наедине, я сразу почувствовала облегчение. С ними я была не в своей тарелке, нервная и подавленная. Я не ровня им и ею не стану. Чужачка. Никто.

По этой ремарке, брошенной отцом, я поняла, что меня возненавидят.

Он мог удостоиться высшей чести стать монархом. Теперь этот путь для него закрыт.

Как бы они ни были подчеркнуто вежливы со мной, это неискренне. Даже сейчас, когда меня нет, они даже не станут меня обсуждать – слишком мелкая, неприятность, о которой не вспоминают. Мне так остро захотелось свободы, что во рту появился вкус пряностей из детства.

Я всегда была упрямой и смелой… Пока не пришла война. Она всех нас изменила, а меня чуть не уничтожила.

Сюда долетали их гортанные разговоры, а я ощущала себя

такой маленькой и одинокой, что хотелось съежиться в комок. Или бежать – бежать в свою собственную жизнь, которую никто не кроит как хочет. По злой иронии я меньше всего влияла на свою жизнь: сначала родители решали, как мне жить, затем Лиам, теперь это будет делать семья генерала.

Наверное, я еще не отошла от встречи с родителями. Это меня подкосило.

А теперь они сидят там и орут на Шада за то, что взял рабыню с Иларии в жены, хотя только что чествовали его как героя, за то же самое. Он мог побиться за право стать правителем – на Григе это большая честь. Настолько большая, что весь род возьмет фамилию от имени прославившегося родственника.

Шад такую возможность навсегда утратил.

Знаю, он заставит их умолкнуть. Но на мне на всю жизнь останется это клеймо – та, что не дала взлететь своему мужу. Та, что его погубила. Погибель героя, рабыня Рива – на этой планете меня будут называть так всегда.

Я легла в постель, съежившись. Прохладную, приятную, ласкающую. Но чувствовала я себя в ней очень одинокой. Слезы намочили глаза, потекли по щекам. Они еще долго сидели там, горланили.

Давно стемнело, вечер перешел в ночь, а семья Шада не торопилась расходиться.

Я, обессиленная и уставшая от собственных слез, с трудом задремала. Мне снилось что-то приятное… Поле маковника,

детство, солнце и моя смелость.

Внезапно в комнату ворвался Шад.

Я вздрогнула и села на кровати, к груди прижимая покрывало. Во все глаза я смотрела на него. Они у меня и так большие, еще больше их делали татуировки.

Он был в гневе. В дичайшем. В таком состоянии вызывают на дуэль, рушат договоры, и выбивают зубы сопернику.

Я же ничего не сделала, да?..

Я просто задремала… Мне горячо, страстно и остро захотелось попросить прощения. Рабская жизнь надежно закрепляется в памяти – не в уме, в памяти тела. Испугалась, что меня накажут.

– Проклятие! – заорал Шад, вминая кулак в дверь, чтобы ее захлопнуть.

Еле сдерживая гнев, он заковылял к кровати, припадая на раненую ногу. Из-за нервов хромота стала заметнее. Я не понимала, что случилось, а он был вне себя. Ходил по комнате – вдоль кровати. Не мог успокоиться и то сжимал кулак, то разжимал, прижимал ладонь ко лбу, качал головой, сожалея о чем-то серьезном. Руки тряслись, а ритуальный кинжал звякал на поясе.

Раньше, когда он ходил, я не слышала кинжала. Но теперь он делал это слишком быстро и резко. Видя вопрос в моих перепуганных глазах, он бросил:

– Лиам выжил!

Шад бессильно зарычал, а я задохнулась от страха.

Как жаль, что не на меня он злится.

Как жаль…

– Выжил? – переспросила я.

Голос задрожал, но не от гнева.

Шад экспрессивно ругался на незнакомом языке, на каждом шагу с губ срывалось новое слово, пока он не заорал, пнув стену ногой. И я поняла, чего он бесится. Поняла и затихла.

Его жертва была зря.

Он закрыл перед собой все двери ни за что.

– Господин… – от страха зашептала я. Даже зашелестела, силы резко оставили меня, делая голос слабым и истеричным. Хотелось упасть лицом в подушку и рыдать.

Он женился на мне ради убийства Лиама. Теперь все бессмысленно. Он все потерял. Меня охватила паника – такая сильная, что затрясло.

– Господин, отвезите меня домой, – попросила я, готовая умолять и в ногах валяться, лишь бы меня не вернули Лиаму обратно. А затем испугалась еще сильнее. Что мешает ему вырвать меня из рук родителей второй раз, если он уже когда-то это проделал?

И наказать – по всей строгости закона Лиама.

Я разрыдалась в полный голос, как маленький ребенок, испуганный темнотой.

Генерал остановился и обернулся. Я вела себя недостойно григорианки – даже человека с его точки зрения.

– Генерал Эс-Тирран, прошу! Не возвращайте меня ему! – выкрикнула я.

Глава 11

Дрожащие губы, слезы в глазах, лицо полное мольбы – Шад оценил все. Взглянул на руки: я ломала пальцы, не справляясь с паникой.

– Тебя это не затронет, – он помолчал, тяжело дыша и добавил. – Это ведь не твоя рука промахнулась.

Я застыла на полувдохе. Сердце пропустило удар и пошло в прежнем ритме: он меня не винил.

– Послушай, Рива, – сказал Шад сильным голосом. На меня он не смотрел – бродил туда-сюда, сильно прихрамывая. – Нам надо поговорить начистоту. Я не желал этого брака.

Я ни жива ни мертва сидела на постели.

Меня любой серьезный разговор пугал, а разговор с генералом доводил до паники. Подспудно я ждала, что мне в лицо кинут обвинения, обзовут рабыней. Скажут, что я пустое место и всем надоела. Я страшно боялась, что Шад разозлится и отошлет меня обратно к Лиаму, раз уж ничего не вышло.

Шад вздохнул и остановился, но смотрел в пол. Лицо было суровым.

– У меня была невеста, – резко сказал он.

Сердце прихватило: чувство было, словно я полетела в пропасть. Ради победы он расторг помолвку.

На Григе к вопросам брака относятся серьезно. Если женишься на всю жизнь, будешь осмотрительно выбирать па-

ру. Невеста – это серьезно. Это значит, он крепко любил какую-то женщину. И я перечеркнула их планы… Конечно, на самом деле не я. Совсем нет. Это сделали те, кто отправил его к Лиаму.

– Ради своего народа мне пришлось оставить названную. Из генералов с правом подписи, только я не был женат. Я поклялся перед Высоким собранием, что возьму тебя в жены и вызову Лиама на поединок. Ты понимаешь, что это значит? Понимаешь, *что* я сделал? Что это означает для тебя, нас, нашего будущего? Я не хотел этого брака!

Все хуже, чем я думала. Намного-намного хуже. Я кивала, глотая слезы и молясь, чтобы он прекратил рычать от бессилия.

– Я отказался от политической карьеры. От детей. От всего, на что имеют право мужчина или женщина от рождения. Но сделал я это не ради тебя, Рива. Ради своей страны. Я мог отказаться, но не сделал этого. Ты понимаешь почему?

Я смотрела в пол, стараясь сдержать слезы.

– Да, генерал.

– Потому что без самоотречения не бывает побед. И я сделал выбор. Рива, я хочу, чтобы ты это поняла. Я не виню тебя в том, в чем ты не виновата. Ты моя законная супруга, что бы о тебе ни говорили.

Я резко подняла глаза. Генерал был серьезен.

– Ты Рива Эми-Шад с той самой ночи, как обещала мне поклясться. И ты клялась быть моей, помнишь?

– Спасибо, – прошептала я. – Мне очень нужны были эти слова.

Мне до конца жизни придется с ним прожить. И неизвестно кому из нас будет хуже.

– Что у вас с ногой? – спросила я.

Хромота не проходила, уже понятно, что это не недавняя травма. Шад удивленно вскинул янтарные глаза – да, для такого вопроса нужно быть очень близкой с мужчиной. Слова названной, матери, жены, но не посторонней.

Если он правда меня признает, то ответит.

– Я получил осколочное ранение в бою, – глухо ответил он. – С тех пор беспокоит. Какие у тебя планы на жизнь, Рива? Как ты представляешь нас вместе?

– Не знаю, – призналась я.

Нет, я понимала, что рано или поздно мы заговорим об этом. Надо как-то жить: выбрать дом, завести зверушку, раз уж детей не будет, вместе есть, вместе спать. Наконец, познакомиться. Привыкнуть, что этот григорианец мой муж и это навсегда.

– Моя семья тебя не примет, – прямо сказал он и подошел к окну, где на сквозняке колыхалась нежная ткань. Он поймал ее шершавыми пальцами. – Нам придется уйти.

– Я не хочу, чтобы вы потеряли поддержку семьи, – напряглась я.

– Я ее не потеряю, – он обернулся. – У нас будет отдельный дом. Свой клан.

Я не выдержала и усмехнулась сквозь слезы. Внутри все переворачивалось от боли. Я знала, он лгал – и себе, и мне. Мы не сможем положить начало новому роду, у нас не будет потомков. Чтобы они появились, ему нужно было обручиться с женщиной своего народа. А наш дом обветшает, когда мы умрем, и умрет вместе с нами. В лучшем случае там поселятся дети его сестры.

– Спасибо, – снова поблагодарила я. Искренне, потому что мне он ничего не должен. Освободил, сделал женой, он не обязан создавать для меня уют и комфорт, защищать от родни. Но именно это генерал и делал. Может быть потому, что все в жизни привык делать на совесть – до конца и самоотречения.

– Ложись, Рива. Что делать, решим завтра. Путь был долгим, надо отдохнуть, – вздохнул он и сел на кровать. Как и вчера он сидел на краю, сгорбившись и обхватив голову руками, словно сам был в шоке от того, что произошло с его жизнью.

Я легла на кровать, как он и сказал, укрылась. Скоро рядом устроился и Шад. Я давилась слезами, не видными в темноте и мне было страшно – будущее меня пугало. Я не видела там ничего, что могло утешить. Только препятствия, лишения и много-много терпения.

У меня будет он, это не так страшно… Лиам выжил, но генерал не отдаст меня. Сейчас, когда паника улеглась, я понимала почему. Генерал бросил из-за меня вызов, вернуть

меня – это признать свое поражение не в бою, а по смыслу. Он никогда не сделает этого.

И все равно меня трясло от страха. Лиам помнит меня. Запомнит он и унижение, нанесенное ему публично – в такой день, день триумфа с большой буквы. Он считал, что выиграл эту войну. С Григом подписан договор, он не пришлет сюда войска, а правительство Грига не выдаст своего генерала. Поединок был честным, здесь не подкопаешься.

Я в безопасности.

Но ничего не мешало Лиаму тайно прислать убийц: за мной или Шадом. Ничего не мешало выкрасть меня на потеху, чтобы наказать зарвавшегося григорианского генерала. Я не хочу стать переходящим знаменем и жертвенным агнцем одновременно.

Я так страшилась будущего, что не сомкнула глаз до утра и задремала, когда сквозь воздушную белую занавеску пробились лучи солнца.

Когда я проснулась, Шада не было рядом.

Выходить из комнаты не хотелось – встречаться с его родней, говорить с ними после вчерашних известий... Мне казалось, они ненавидят меня. Особенно Шантара. Его семья уже все знает: что Лиам выжил и Шад поставил на себе крест просто так. Да, это он промахнулся. Но его любят, а меня нет. Так что и винить будут меня.

Утро подарило легкий румянец беленым стенам. Красноватый свет ложился на них светлыми бликами.

Я убрала постель, а затем подошла к окну, наслаждаясь свежим воздухом, сладко пахнущим белыми цветами, высаженными под окном. Солнечный свет вернул мне уверенность в себе и спокойствие. Я грелась в его лучах, обхватив плечи. Минутка покоя – это уже немало.

– Рива! – раздалось за дверью, в нее бухнули кулаком. – Эми-Шад!

Я узнала звенящий голос его сестры. Настроение упало до нуля.

– Иду, – прошептала я.

Трясущейся рукой я открыла дверь. На пороге стояла Шантара, замотанная в плащ, словно только что вернулась. Бежевый, с зеленоватой каймой, он выглядел безумно дорогим. Она сбросила просторный капюшон и встряхнула косами.

– Женщины идут гулять. Идешь ли ты с нами?

– Гулять? – переспросила я, пугаясь ее глаз коршуна. Она так грозно смотрела, будто вызывала на бой, а не звала гулять. – Я спрошу мужа…

Она смерила меня взглядом, точно я ляпнула глубочайшую из глупостей.

– Зачем? – не поняла она. – Ох, Рива… Он тебе муж, а не хозяин. Не нужно его спрашивать всякий раз, как куда-то идешь. Пойдем, будет интересно.

Я завернулась в такой же пустынный плащ, как у остальных, и вышла к ним.

Женщины стояли на пороге дома. Я узнала Шантару, мать Шада, остальные три были мне незнакомы – наверное, соседки или подруги. Янтарные глаза пристально уставились на меня. Не зная, как себя вести, я кивнула.

Им любопытно. Должно быть, и прогулку устроили, чтобы кумушки поглядели какая у Шада жена-иномирянка.

– Рива, – поприветствовала меня старшая.

– Лиана, – ответила я.

Мы медленно побрели в сторону, как я поняла, центра.

Прогулка выглядела так: мы медленно шли вдоль улицы, я – в хвосте процессии. Женщины негромко переговаривались о незнакомых мне людях и событиях, обо мне и войне никто не говорил. Обычные бытовые сплетни и разговоры. Я не участвовала, потому что шла позади, и чувствовала себя одинокой и лишней.

Надеюсь, это пройдет, когда я пообвыкнусь, а может, это навсегда, кто знает. Нечто подобное я ощущала и на «Стремительном». Везде чужая.

– Шантара, как дела у тебя?

Сестра Шада шла, чуть приотстав, и нагнала соседку быстрым шагом, звякнув кинжалом.

– Хочет обручиться, – сказала мать за нее. – Не знаю, как на нее повлиять.

Женщины с интересом зашумели.

– Я бы уже обручилась,– отрезала Шантара. – Командир перевел моего названного в другое звено, их перебросили.

Не успела я. К счастью, он жив и скоро вернется. Тогда и обручимся.

– К чему спешка? Подумай, Шантара, это важный шаг.

– Подумала уже!

Я брела позади, пока они препирались – с женщинами сестра Шада разговаривала не особо уважительно. Видно, что ситуация ее злит. Скорее всего, ветеран войны считала, что женщины суют нос не в свое дело.

– Ты ребенка от него носишь? – проницательно спросила другая.

Шантара пробурчала что-то себе под нос.

Утолив первое любопытство, женщины больше не обращали на меня внимания.

Я плелась сзади, и от тоски смотрела по сторонам.

Чем ближе к центру, тем выше становились здания – как, наверное, везде. Но все равно оставались приземистыми и большими по площади. Следов войны не было – их не бомбили. На улицах многие в броне – мужчины и женщины. И при этом, никакой военной атрибутики: ни флагов, ни военных памятников, словно война для них – что-то естественное, что не нуждается в символике.

Воинственный народ.

– Присядем, – предложила мать. Мы расселись вокруг низкого каменного стола, спрятанного под навесом.

Столы были разбросаны вокруг фонтана. Под навесом жарко, воздух почти неподвижный, но его разгоняли бодрые

струи фонтана. Я заметила, что и здесь кругом высажены опасные цветы в квадратных клумбах.

Усевшись, Лиана ослабила застежку плаща, он сполз с нее, оставшись только на плечах. Остальные поступили так же, и я последовала их примеру, неосознанно повторяя. Нам принесли такой же кувшин, как и вчера.

– Можно мне воды? – набралась я смелости.

Никто не отреагировал, даже презрительно не скривился, что жена Шада такая слабачка. Девушка-рабыня кивнула и принесла мне стакан. Я скучала по маминому чаю с маковником. Здесь вкусы не отличались разнообразием. Даже по сравнению со «Стремительным» они просто невыносимы. И мне придется до конца жизни мириться с этим? Конечно, я рада, что освободилась. Но немного о другом мечтала: что меня примут дома. А теперь и дома-то у меня нет. Везде чужая.

Лишняя в разговорах, я погрузилась в свои мысли.

Даже поговорить не с кем – я не вписываюсь в беседы, и мне григорианкам рассказать нечего. Просто терпят меня. Пригласили из вежливости, теперь игнорируют.

Вот бы сбежать отсюда. Воспользоваться своей свободой и уехать, жить так, как хочу. Может, по-настоящему замуж выйти – за человека, с которым мы друг друга полюбим взаимно и заведем детей. Жить, как я раньше, выращивать на продажу цветы и травы… Или работать ксено-этиком. Эту работу я хорошо знаю и платят за нее неплохо. Я смогла бы

устроиться.

Но Григ мне теперь покидать не стоит. Раз Лиам выжил – он постарается отомстить за свое унижение. Его разделали на глазах у всех, у подчиненных и их жен. Он честолюбив и не простит этого. И если Шад сможет за себя постоять, его и государство защищает, ради которого он собой жертвовал, то меня только муж защитит от Лиама.

Когда первый страх и сумятица в мыслях улеглись, я отчетливо это поняла.

Мне теперь всю жизнь здесь жить.

Мы уйдем из родительского дома, как Шад обещал, но все равно останемся на этой планете. К местной еде я привыкну, научусь одеваться как григорианка, но до конца жизни на меня будут искоса смотреть.

На столик упала тень, и я вынырнула из мрачных мыслей. Разговоры стихли. Я подняла голову.

К нам подошла еще одна женщина, и сбросила капюшон на плечи, открывая лицо. Молодая. Судя по росту, возраст у нее примерно такой же, как у Шантары. У нее было симпатичное лицо, волосы, заплетенные в косы, и украшенные тонкими металлическими кольцами. Часть прядей прокрашена черным – она в трауре.

– Эдетт, – тихо произнесла мать Шада.

– Лиана, – ответила григорианка.

Они обменялись неполными приветствиями: давно знают друг друга.

– Иди к нам, – позвала мать Шада. – Посиди с нами. Сочувствую твоему горю, Эдетт. Твоя сестра была храброй.

У нее сестра погибла. В бою, судя по ремарке. Соколиные глаза уставились на меня, и чуть дыры не выжгли.

– Эми-Шад, – горько, с режущей интонацией сказала она, словно приветствие причиняло ей боль.

По имени она меня не назвала. Прочертила границу – холодную и четкую. Взгляд так и остановился на мне.

– Это названная Шада, – сообщила Лиана.

Девушка тут же добавила:

– Бывшая названная.

Глава 12

– Эдетт, – поприветствовала я ее.

Невеста Шада.

Вместо того, чтобы опустить глаза и смутиться, я вовсю разглядывала ее. Теперь поняла женщин, которым было интересно посмотреть на меня. Точно так же меня разбирало любопытство: кого он назвал невестой добровольно.

Наверное, любил ее.

Если брак один на всю жизнь – выбирать партнера будешь тщательно. Жесткой необходимости для брака у григорианцев нет. Можно и не заключать его, если хочешь. Женщина может завести ребенка вне брака. И несмотря на это, они предпочитали скорее иметь семью, чем не иметь.

Точно так же Эдетт и на меня смотрела.

Она тоже его любила – уверена. И хотела видеть ту, ради которой он расторг помолвку.

Я была уверена: Эдетт не примет приглашение и уйдет. Я бы ушла, окажись в такой ситуации, но григорианка села за стол, ей предложили стакан и налили из общего кувшина.

Тонкокостная, красивая и плащ из дорогой ткани песочного цвета, с зеленым кантом из сложного узора. Она встряхнула волосами, выправляя их из-под капюшона и они рассыпались по спине, зазвенев колечками. Такие украшения я видела у некоторых молодых женщин.

Еще обратила внимание на эмблему на застежке, и на платье под плащом. Скрещенные крылья на фоне солнца, щит. Вооруженные силы. Эдетт – боевой пилот.

У Шада невеста была под стать семье, тоже из военной династии и, уверена, заслуженной и прославленной. В пилоты во всех мирах пробиться непросто. Требует самоотдачи и самообладания.

И ее он ради меня бросил. Ради рабыни.

– Как поживает твоя мать?

Эдетт пожала плечами.

– В трауре, как еще.

– А как ты? – с участием спросила Лиана, и мои щеки порозовели.

Они ведь обо мне. Делают вид, что меня не замечают, но говорят косвенно – спрашивают несостоявшуюся невесту, как она пережила расставание с Шадом.

Там, где брак заключают единожды, оказаться брошенной у алтаря – тяжелое испытание.

– Плохо, Лиана. Но, говорят, время даже камни в порошок истирает. Куда там сердцу.

– Постепенно все пройдет, – согласилась та.

– Шантара, слышала, у тебя появился названный?

– Появился, – усмехнулась та. Кажется, сестра и невеста прекрасно ладили. Если учесть боевой опыт обеих, им поговорить было о чем. – Когда ваши вернутся, мы поклянемся. Я короткую клятву хотела, не успели мы, ваших переброси-

ли.

Названный Шантары служил в одном подразделении с Эдетт. Думаю, оттуда и слухи о скорой свадьбе. Сама она получила увольнительную из-за гибели сестры. Значит, осталась последней в семье.

– Он скоро вернется. Пригласи меня, – попросила невеста Шада. – Слышала по секрету, причины для короткой клятвы у вас были!

– По секрету – не за общим столом.

Обе белозубо рассмеялись. Эдетт сделала странный жест – приложила руку к груди напротив сердца, а затем к запястью Шантары. Я такой не видела. Жест подруг, боевых товарищей, незнакомый мне, но и без перевода ксено-этика понятный – мы близкие. Очень сердечный жест.

– Ты беременна? – вновь переспросила Лиана, не нервничала, но была явно заинтересована и ей не нравилось, что дочь не отвечает на прямой вопрос.

Шантара вновь ответила смехом.

По фигуре не скажешь, сестра Шада была стройной и тонкой. Но григорианки, несмотря на такое сложение, не ходили сильно пузатыми. Только на последних месяцах становились потолще. Ребенок рождался небольшим и худосочным, дольше рос, зато меньше хлопот доставлял матери при рождении. Почти до самых родов григорианки не только сохраняли подвижность, здоровье, но даже боеспособность. Может поэтому они были такими смелыми: меньше зависели от

условий, мужа, семьи, рождая ребенка. Могли защитить себя и детей.

Теоретически даже Эдетт могла быть в положении. Ее отстранили бы от полетов только при изменении очертаний тела, а это почти перед самыми родами. Два-три месяца, и снова можно сесть в кресло истребителя.

Кто знает, может, поэтому они сильнее нас. Поэтому победили в войне.

– Что планируешь делать, Эдетт?

– Переведусь на одну из лун, как мама выйдет из траура. Предложили выгодный контракт. Ведущей в сторожевую пару.

– Тяжелая работа.

– Кто-то должен нас охранять. Принимать на себя удар в случае атаки. Шад… он ведь тоже так поступил, когда бросил меня.

– Не говори так, – мягко сказала одна из женщин. – Ты знаешь, почему он сделал это. Он покинул тебя не из любви к другой, а из любви к своей стране. Это его долг.

– Мне не легче! – резковато ответила она, и стремительно встала, звякнув кинжалом и кольцами в волосах.

Запахнула плащ. Не прощаясь, направилась прочь. Движения резкие, но не от злости – они в принципе так двигаются. Хотя мне показалось, Эдетт была раздражена.

Не смирилась с расставанием.

Не все государственный долг выше своего ставят, а если

и так – это чувств не отменит.

Я была счастлива, что Эдетт не заговорила со мной. Нападения – даже словесного – я бы не вынесла. Сидела бы и давилась слезами, как накануне в спальне мужа рыдала и тряслась в страхе, что он вернет меня Лиаму.

Минута молчания, как по умершему, и они вновь заговорили.

– Эдетт тяжело переживает. Рива, ты была неучтива с ней.

– Что? – я очнулась от мыслей, с удивлением услышав свое имя. Надо же, обо мне вспомнили. – Неучтива? Я приветствовала ее.

– Но не пожелала ей благополучия. У Эдетт труднейший период.

Я облизала губы и… промолчала. Спорить нет смысла. Как ксено-этик я знала, что ничего плохого не сделала, только ее не переспоришь. Она просто цепляется. Должно быть, Эдетт ей нравилась.

Замечание Лианы было не лучше язвительных слов Эдетт, скажи она их. Я ведь никого не трогаю, специально веду себя тихо, стараюсь быть незаметной. Но, кажется, за столом я центральная фигура. Не выпадаю из поля внимания ни на минуту.

– Мама, не нужно, – резковато сказала Шантара.

В тоне читалось усталое: «Отстань от нее».

– Я лишь забочусь о том, чтобы все было благопристойно. Эдетт…

– Не надо, – сказала ее дочь. – Я тебя понимаю. Но легче от этого никому не станет.

– Простите, – сумела я вставить, чтобы никого не напрягать. – Вы правы, больше этого не повторится.

– Не пресмыкайся, Эми-Шад, – рыкнула Шантара.

Я прикусила язык и прикрыла глаза. Никогда не смогу перестроиться на их мировоззрение и речь. Это нереально. Мы слишком разные и вечно избегать общества я тоже не смогу. Это будет ад, а не жизнь. Надеюсь, Шад сдержит слово. Когда мы уйдем, станет легче.

Я едва дождалась окончания прогулки. Женщины разошлись по домам, я хотела спрятаться в спальне, но Шантара и Лиана разошлись по комнатам на полуденный отдых. Я как будто осталась в доме одна, а четыре стены мне надоели.

Я зашла в пустую кухню, не уверенная, что правильно поступаю. Даже служанок нет. Чувствовала себя воровкой – это не мой дом.

За окном пылала жара. Полдень был раскаленным и сухим. Абсолютно безветренным. Где Шад и его отец – не знаю, а у Лианы постеснялась спрашивать. После того, как она отчитала меня за пустяк, в котором я и виновата не была, даже на глаза ей попадаться не хотелось.

Глядя на пылающую улицу, я думала о маме.

Ей бы не понравилось здесь. Теперь я поняла, почему здесь так мало зелени – в этом адском пекле не выживает ничего, кроме мелких цветов, и те смертельно ядовиты.

Меня беспокоило, что Шад неизвестно где со своим отцом, и кто знает, о чем они могут говорить.

Вернулся он через несколько часов, когда жара спала.

Вошел в дом, распахнул плащ. Он был один, без отца. Мрачно мазнул по мне янтарным взглядом и сказал:

– Рива.

Я чуть кивнула: между членами семьи необязательны официальные приветствия. Вопросительно смотрела на него, но он безмолвствовал. Будет ли приличным спросить, где он был? Я не решалась, просто смотрела, как Шад отстегивает кинжал, снимает снаряжение, а затем… представила на своем месте Эдетт.

Как бы она поступила? Не думаю, что слова бы не могла выдавить. Прямо бы мужа спросила обо всем, что интересует.

– Где ты был?

Меня снова обжег мрачный взгляд, от которого сердце ушло в пятки.

– Искал новый дом для нас.

Хорошая новость. Или не нашел – потому угрюмый?

– Когда мы переезжаем?

– Завтра. Сегодня последний ужин в кругу семьи.

Наверное, дело не в доме, и не во мне. Шестым чувством я поняла, что у него был непростой разговор с отцом. Я тихонько вздохнула, понимая, что пережить еще и ужин с Лианой будет непросто.

Ужин начали рано.

Я хотела помочь, но ни Лиана, ни Шантара не подумали заглянуть на кухню. Ужин готовили служанки. Накрыли в беседке. К вечеру жара спала, появилась прохлада, какую в полной мере ощущаешь, только попав из раскаленного воздуха. Ожили белые цветы, поникшие во время зноя.

В беседку я шла с Шадом.

И как будто по иглам или по раскаленным углям ступала. Каждый шаг в чужом доме, на чужой земле, причинял мне душевную боль, словно внутри кровоточащая рана. Как и у него. И у его бывшей названной. И она тоже слышала, что Лиам выжил: все было бессмысленно. Как бы я хотела уйти… От семьи, Шада, улететь с этой планеты. Вдвойне больней, что это невозможно.

Семейство уже было в беседке. Я заметила, что не пришел отец, но для остальных это не стало неожиданностью. Генерал не спросил, где он, садясь к столу. Женщины тоже избегали этой темы.

На ужин подали то же самое, что и на корабле: неаппетитная, но наверняка полезная смесь, безумно острая на вкус.

– Как прошла прогулка? – спросил Шад, чтобы прервать густое молчание.

– Хорошо. Мы встретили Эдетт.

– Как она?

– В трауре по сестре. Тяжело переживает. Ей очень плохо, Шад. Ты бы мог выразить соболезнования ее семье. Они тебе

не чужие.

За столом воцарилось молчание.

– Благополучия ей, – закончил Шад, с таким лицом, словно на похоронах последнюю точку в прощании ставил. – Но видеть я ее не хочу.

Так и было. Я их разлучила навсегда.

Скорей бы уйти. Постепенно они разговорились, но я в разговорах не участвовала. Шад то ли забыл свое обещание готовить для меня отдельно, то ли Лиана проигнорировала просьбу и слугам отдала другой приказ. Но я давилась ужином, с трудом проглотила пару ложек, и остальное время пила воду, глядя в стакан. Их компания тяготила. Я никогда не впишусь в их семью. Никогда и мне страшно при мысли об этом.

– Ты уже сказал Риве? – вдруг спросила Лиана.

Шад мрачно жевал.

– О чем? – спросила я.

– Завтра вас пригласили ко двору, – усмехнулась Шантара. – Твой первый выход в высший свет с мужем, Рива.

Глава 13

Утром мы переехали в новый дом.

Я ждала большего. Переезд выдался мрачным, не было ни одной эмоции, которой ждешь от новоселья.

Словно на поминки приехали, а не в новый дом.

У меня не было вещей, у Шада, прослужившего много лет, пока шла война, в родительском доме их тоже не осталось.

Обживаться придется с нуля: и ему, и мне.

Наверное, между нами больше общего, чем казалось на первый взгляд. Многолетняя война нас обоих выжгла, только по-разному.

Дом был меньше, чем у его родителей, но очень похожим: каменный забор, с высаженными перед ним смертельно ядовитыми цветами, внутри каменная беседка, больше похожая на грот. Дом был покинутым, прохладным и тихим. Оказавшись в его тени, мне сразу стало легче. С корабля доставили мою одежду к полудню. Я уже осмотрела комнаты, гостиную и кухню, привыкая к мысли, что буду здесь хозяйкой.

Шад постарался не попадаться мне на глаза.

Ушел в спальню, и дал мне освоиться. Я и сама его видеть хотела поменьше, но и это грызло меня: неужели так и не привыкнем друг к другу, будем избегать до конца жизни, появляясь вместе лишь для официальных мероприятий? Неизвестно, что хуже. Так ведь тоже невыносимо. Когда варианта

всего два и каждый для тебя плох, это убивает не хуже отсутствия выбора.

Дом остался необжитым. Свои домашние обязанности я тоже не прояснила.

Шад вышел, когда жара спала, и застал меня за окном в гостиной. Я смотрела, как бледнеет небо, готовясь к сумеркам.

– Пора собираться.

Светский прием, про который сказала Шантара. Интересно, скоро ли я привыкну к их именам? Станут они родными и близкими мне? Или этого никогда не случится?

– Зачем мы туда идем?

Вопрос мучил меня весь день. Выходить в свет с мужем – нет хуже наказания. Все будут смотреть на нас.

– Ты не хочешь?

Я ведь не об этом спросила. А он оправдываться заставляет.

– Пытаюсь понять, что меня там ждет.

Какие новые унижения.

– Я взял тебя в жены по решению генералитета. Мы покажемся им на глаза.

– Хорошо, – вздохнула я. – Мне нужно одеться.

Я ушла в комнату, куда сложила вещи, и мысленно решила, что она моя. Пусть я тут всего несколько часов, но хочу, чтобы в этом доме что-то мое появилось. Перебрала несколько нарядов. Сначала хотела одеться так, как принято здесь,

но выбрала платье, в котором я была дома… Слишком вычурно, красиво для местных, но почему нет? За григорианку сойти не смогу, нечего и притворяться. Они и так знают, кто я.

Когда я вышла к Шаду, на его лице и мускул не дрогнул.

Я не смогла определить, одобряет он мой наряд или нет. Возможно, ему просто все равно. Сам он был в броне, как и всегда.

– Пора ехать, – вздохнул Шад, и выглядел при этом, словно и сам не рад приглашению.

Торжественному залу, который сам монарх увидел, было далеко даже до кают-компании «Стремительного» в праздничном убранстве.

Многие пришли в броне.

Военные высших чинов – так все. Их женщины тоже.

Это заставило меня задуматься, раньше я о таком не слышала, даже как ксено-этик, но возможно у них в ходу династические браки, хотя бы среди знати, просто не афишируется? В этом случае будет тяжелее, чем я рассчитывала. Но я все равно улыбнулась: сквозь слезы и через силу.

Быть здесь лучше, чем где была раньше. Вместе со всеми я ждала, пока появится монарх.

К нам подошел пожилой григорианец в броне. Его спутница была одной из немногих, на ком не было военных эмблем или брони. Из-за этого она нравилась мне больше.

– Шад, рад, что ты здесь. Твой корабль прибыл послед-

ним, – он добавил. – Эми-Шад.

Кажется, не знает моего имени… Не зная, как к нему обратиться, я склонила голову в знак того, что замечаю его.

– Были причины задержаться.

Здесь все знали, что это за причины: брак со мной, и вызов Лиама. Но в разговор они вступать не стали, обменявшись любезностями, григорианец с подругой оставили нас.

Если я рассчитывала затеряться среди гостей – что ж, глупая идея. Похоже, все собрались посмотреть на нас. Так и было: Шад стал героем, привел меня. На «Стремительный» с этой аферой его послал генералитет, который здесь собрался. Он же разлучил их с Эдетт. Эта мысль успокаивала.

Раздался гонг, и я обернулась.

Хотела посмотреть, отчего шум – монарха вот-вот объявят?

И заметила среди гостей Эдетт.

Она не по приглашению пришла. Пусть Эдетт пилот – неплохой, герой войны, кто угодно, но не из высших чинов. Слишком молода для этого.

Неужели пришла бывшего названного увидеть?

Она смотрела на нас.

Мы завладели общим вниманием, но именно от ее взгляда стало не по себе. Заметил ли ее Шад? Я не стала оглядываться на мужа. Повернулась к монарху, сделав вид, что не видела Эдетт.

Он появился в зале с вооруженной охраной. Я еще пом-

нила своих охранников, и их тактику: эти были вооружены так же.

Вопреки ожиданиям, на монархе не оказалось брони.

Это был мужчина среднего возраста, старше Шада, но не настолько, как его отец, например.

Было бы странно кричать его имя толпе, хотя чего-то подобного я ожидала. Вместо этого присутствующие склонили головы и на несколько секунд замерли. Я с интересом наблюдала за приветствием, тем, как смотрят на него подданные, как он сам держится. Неожиданно во мне проснулся профессиональный интерес ксено-этика. Одно дело слышать или прочесть, другое – наблюдать своими глазами.

Одет он был просто, хотя в гражданскую одежду. Не военный? Обычно к династии присоединялись генералы, другие высшие чины, возможно, он был министром в прошлом. Государственные деятели не были моей работой. На «Стремительном» я занималась военными.

– Шад, – монарх подошел и к нам.

– Гай Эс-Деймос, – поприветствовал Шад, склонив голову.

Я последовала его примеру.

– Рива, – сказал монарх, и я удивленно подняла глаза.

Лицо монарха осталось каменным, мрачным – ни намека на чувства. Но он знал мое имя. Не каждый даже в этом зале может таким похвастаться.

Чуть кивнув, он двинулся с охраной дальше.

– Он меня знает? – изумленно выдохнула я.

– Тебя все знают. Когда меня посылали к Лиаму, монарху, конечно, доложили об операции.

Шад на мгновение прикрыл глаза, и яркие радужки погасли. Кажется, встреча с монархом тяжело ему далась.

Он ведь промахнулся…

К счастью, о промахе не напомнили.

Как только монарх скрылся из виду, рядом с нами появилась Эдетт. В броне, как полагается военной. С массой косичек – без колец на этот раз, заплетенных и убранных высоко на затылок. Я смогла лучше рассмотреть эмблему с крыльями. Она была потрепанной, видно, Эдетт в этой броне не только воевала, но и катапультировалась и была в рукопашной, слишком вид у брони уставший.

– Шад, – сказала она.

Молчание.

Он не хотел видеть бывшую названную.

– Эдетт, – наконец произнес он.

Она меня проигнорировала, и я не стала здороваться тоже.

– Позволь поговорить с тобой наедине, – попросила бывшая невеста.

Шад помедлил, но кивнул. Что побеждает – долг или чувство, мне всегда было интересно. В этот раз он поддался чувствам. А может, помнит о ее трауре.

– Я тебя оставлю, Рива. Не беспокойся, – сказал он и они

удалились за тяжелую портьеру, чтобы поговорить в тени и спокойствии.

Я подошла ближе. Во-первых, без Шада неуютно, во-вторых, мне хотелось знать, о чем разговор. Я встала за колонной, чтобы не бросаться в глаза. Близко, но не настолько, чтобы мне предъявили претензии в невежливости, технически я дала им уединиться.

– Слышал о твоей сестре. Соболезную.

Я их не видела, но по долгому молчанию Эдетт поняла, что она просто смотрит на него.

– Благодарю, Шад. В соболезнованиях был бы смысл, если бы они мертвых возвращали.

Злится.

– Чего ты хотела, Эдетт?

– Какие у тебя планы?

– Не знаю. Пока в увольнительной. Дальше, как решит генералитет.

– Тебе не дадут занять хороший пост.

– Я это понимаю. Ни к чему напоминать.

Слова были обтекаемыми, но интонации дали понять, что бывшие возлюбленные собачатся.

– Я подписала контракт, – неожиданно сказала она. – Не могу больше здесь быть после того, как ты разорвал со мной клятву.

– Это был мой долг, Эдетт! – напомнил он. – Мы говорили об этом. Ты приняла мое решение! Так за что сейчас упре-

каешь?

– Долг свой ты исполнил, – раздался сдавленный голос. – Только вот Лиам жив. А ты теперь навечно с рабыней связан.

– Ты меня осуждаешь? – зашипел он.

Слушать больно было. Их разговор еще больше напомнил семейную перебранку.

– Твой отец переживает, что ты не присоединишься к династии.

– Я промахнулся, но не тебе меня судить, и не моему отцу. Вас там не было. Желаю благополучия, Эдетт, – он так резко вышел из-под портьеры, что я вздрогнула. Девушка осталась в тени, глядя в сторону. В ее взгляде мерещилась тоска. – Рива, идем.

Уцепившись за его руку, я пошла за ним. Меня беспокоил подслушанный разговор.

– У тебя проблемы из-за того, что Лиам выжил?

Я прикусила язык: конечно, проблемы, что за глупый вопрос.

Но Шад ответил спокойно.

– Тебя они не коснутся.

Возможно, он прав. А возможно, просто правды говорить не хочет.

– А если попробовать снова убить его… Должен быть способ? – я вопросительно взглянула на мрачный профиль мужа.

– Я не смогу больше вызвать Лиама, – сказал Шад. –

Уже вызывал его. Дважды за один поступок не карают, Рива. А иначе это будет убийство, за которое меня будут судить. Между нами мирный договор. Второго шанса нет. Все было бессмысленно.

Плохо. Очень плохо.

Я не ответила мужу, но ощутила, как вокруг собираются грозовые тучи. Такое чувство я испытала, когда меня распределили на «Стремительный». Как бы вокруг заговор не начали плести. Эдетт по названному страдает, его отец хочет сына видеть в династии – он это ясно дал понять, Лиане я не нравлюсь, потому что сыну крест на карьере поставила, а Шантара… Насчет сестры Шада я пока не определилась. Не поняла, как ко мне относится.

Вроде неплохо. Грубовато, но не зло.

С другой стороны, с Эдетт они подруги, и любимый ее служит в том же подразделении. Меня же она знает всего несколько дней.

Как бы не прирезали меня темной ночью в нашем доме, предварительно отослав Шада. А может, и не отсылая. Он меня избегает, почти не говорит, кто знает, может, все предрешено и через год-другой от меня тихо избавятся, и не вспомнят, а он привыкать к приговоренной жене не хочет…

Знать бы правду – что меня ждет, я бы так не тревожилась.

Шаткое положение.

Надеялась обрести здесь опору в жизни, а похоже, лишь врагов нажила.

Глава 14

Мы возвращались поздно.

В домах вовсю горел свет, было необычно оживленно для темного времени суток. Шад предложил пройтись. Наш путь лежал через центр. На улицах шла торговля, гуляли пары с детьми.

Я открыла рот спросить, не праздник ли какой, что люди так поздно на улицах. Порыв ветра, такой редкий здесь, донес до меня аромат белых цветов и прохлады, и я все сама поняла. Проклятая жара ушла. Душистая, свежая ночь позволяла дышать полной грудью и чувствовать себя отлично. Особенно мне, к такой погоде не привыкшей.

Я глубоко вздохнула, даже ежась.

Коже было приятно и хорошо. На дожди, которые я любила дома, я не рассчитывала, в этой местности их не бывает. Но облегчение было колоссальным. Я привыкну. Смогу. На «Стремительном» я жила с трудом, но жила. Здесь мне страшно, но этому есть причины: слишком резкие перемены, которых я не ждала, шок дома… Когда вновь обрету почву под ногами – думаю, смогу здесь жить.

Изучу местные обычаи, кухню, может быть, подружусь с кем-то, должны ведь здесь быть иностранки, жены и дочери послов. Найду, с кем познакомиться. Тем более, слава мужа позволит мне войти в этот круг. И там меня примут. Найду

работу по душе…

Будущее обретало соблазнительные очертания. Перестало казаться беспросветным адом.

Всего-то нужно было переехать, улыбнулась я, и тут же поежилась.

Значит, не показалось: в доме Шада я чувствовала враждебную атмосферу.

Наш дом был темным – ни огонька.

В окружении соседских он выглядел грустным и покинутым. У нас нет служанок, чтобы разжечь огни на улице, включить свет. Нет и домочадцев.

За поздним ужином, который мы купили по пути, потому что готовить его было некому: я еще не познала секреты местной кухни, а Шаду было не до того, я надеялась с ним поговорить.

– Мне кое-что пришло в голову, – неуверенно начала я, опустив глаза по старой привычке. – Может быть, я смогу найти какую-то работу? Это бы помогло мне…

…скорее освоиться.

Я закончить не успела, потому что Шад перебил.

– Не сейчас, Рива.

Я села на свое место, продолжая рассматривать каменный стол. Ужин мы устроили в беседке – здесь было хорошо, не беспокоили насекомые, и воздух был душистым.

– Почему? – я подняла глаза.

Шад не ел. Сцепив руки, нахохлившись, как опасный

гриф, он смотрел в сторону. Янтарные глаза отсвечивали в полумраке. Жесткий вид, собранный – Шад о своем думал. Бесконечно далеком от меня и моих идей с работой.

Он молчал, я решила не лезть, и не переспрашивать.

– Вопросы с должностью мне нужно решить самому, – он встряхнулся и приступил к трапезе. – Будет это не просто. Высоких должностей я не получу из-за брака, возможно, меня переведут из столицы. Мы можем уехать. Пока я не проясню это, ничего не предпринимай.

Мне показалось это обидным. К нам хорошо отнеслись на приеме. Сам монарх поздоровался со мной, он меня заметил, по имени назвал, сколько даже не рабов – известных, знаменитых людей могут таким похвастаться?

Его называли героем.

А обратная сторона почестей и уважения – отказ в карьере, должностях, будущем. Здесь чтут традиции. Будь ты хоть трижды героем.

– Разве это честно? Они ведь сами предложили…

– В том и жертва, Рива. Разве нет?

Шад выглядел спокойным.

До меня дошло, что больше всех психовала генеральская семья и его девушка, он сам свой долг решил нести с честью.

– Куда мы можем поехать?

– Страна решит, где я нужен. Меня могут выслать в другую систему. Подальше с глаз долой. На станцию, сторожевой пост в отдаленной колонии…

Да уж, размечталась я быть генеральской женой. Отправят в колонию, буду ходить полжизни в скафандре среди трех с половиной колонистов.

– Не беспокойся. Скорее меня оставят на планете. Но могут перевести в зону пустынь. Налей мне выпить.

Еще хуже.

– Скоро это определится? – я привстала и подхватила кувшин.

– Не знаю. Когда покончат с политикой, отведут части, сделают все важное, и вспомнят обо мне.

– Может, мне познакомиться с кем-то? Я думала о жене посла или…

– Тебе не стоит выходить одной.

– Почему? – кувшин в руке дрогнул, я чуть не пролила. – Разве здесь не безопасно?

Я знала, что это не только высокоразвитая планета, но и безопасная. Армия хорошо финансировалась, многие если не были профессиональными военными, то отслужили. Дисциплинированный народ. Конечно, преступность есть, как и везде, зато как класс не существует коррупции. Плохими районами считались кварталы мигрантов, и некоторые зоны вокруг космодромов.

Я поглядывала на Шада, не понимая, в чем дело.

Боится, что опозорю его? Или не доверяет? Почему пытается запереть в доме, это не в их традициях – держать жену в четырех стенах.

– Не выходи одна. И никого не впускай в дом, если меня нет.

– Почему? – с тревогой я рассматривала янтарные глаза.

В них было одно безразличие.

– Не делай этого и не задавай вопросов, Рива. Не время. Я должен убедиться, что все идет как нужно.

– Хорошо, – я отвела глаза, чтобы он не увидел страха.

Если бы мне что-то угрожало, он бы приставил охрану, как на «Весте»? Или он потерял должность, а я не заметила? Чего боится? На меня идет охота или угрожает кто-то из своих. Больше Шад ничего не сказал, а мне и не нужно было.

Уснула я с трудом, а проснулась одна в доме.

Ночевали мы в разных спальнях. Дверь в его комнату была открыта, плащ исчез… Ушел.

Я вздохнула, чувствуя себя беззащитной.

Побродила по дому. На улице стояла жара и выходить я не стала. Чтобы быстрее освоиться, села на кухне изучать местные рецепты. Разнообразием они не отличались. Вкусами, если честно, тоже. Много острого, жгучего, едкого. Интересно, если не добавлять специи в таком количестве, будет ли это съедобно?..

От чтения меня отвлекла фигура, появившаяся у нашего дома. Перепугалась до мурашек, но незнакомец приблизился, и я поняла, что это женщина-григорианка. Впрочем, они не менее опасны, чем мужчины.

Не выходить? Сделать вид, что и меня нет дома?

Но меня уже заметили в окно и махнули рукой, распахнув плащ. Знакомый кинжал, одежда… Я узнала Шантару.

Думаю, сестру Шада можно впустить. Запрет на нее не распространяется.

Я направилась к двери, недоумевая, что ее принесло.

Лицо было мрачным, неулыбчивым, словно она собиралась сообщить трагическую новость, но это ничего не значит. У них такие лица.

– Привет, Рива, – гортанно сказала она, когда я распахнула дверь. – Позволишь войти?

– Прошу, – я отступила с прохода. – Но Шада нет дома…

Шантара вошла, как к себе, абсолютно уверенно.

– Знаю. Я к тебе пришла.

Я насторожилась. Янтарные глаза ничего враждебного не выражали. Но не по себе стало от предчувствия. Не думаю, что разговор будет легким.

– Пойдем, чего-нибудь выпьем, – она предпочла неформальную обстановку.

Я выдохнула. Что ж, хотя бы на поединок она меня не вызовет, раз приглашает посидеть по-семейному. Не очень хотелось пить с ней пряный напиток – тот самый, что был вчера или другой, неважно, они все одинаковые. Лучше всего мне бы посидеть в комнате, изнывая от неустроенности и ждать возвращения Шада. Накануне он обещал, что сегодня мы обсудим нашу будущую жизнь более детально.

Я пошла вслед за ней. Шантара ориентировалась уверен-

но. Этот дом был похож на родительский. Плащ сзади полностью скрывал ее фигуру, только косы с нанизанными на них металлическими колечками и обвитые цепочками звякали на спине. Она шла быстро, как солдат, а не женщина, навестившая родственницу.

На кухне – маленькой, с высоким каменным столом, окна были закрыты. Только в щель между ставнями падала узкая полоска света. Я чуть не обожгла голую ступню, когда наступила на нее. Пол был нагрет, как камни камина.

Я достала пару стаканов и кувшин.

Шантара осталась стоять – ох, значит, непростым будет разговор.

Она налила из кувшина по стаканам, и один протянула мне.

– За победу! – провозгласила она.

Я из вежливости пригубила. За победу я бы выпила с радостью, не проиграй Илария, и не будь вкус таким тяжелым и мерзким.

– За победу, – эхом ответила я.

Я ждала, когда она начнет разговор. Шантара с трудом сглотнула, острота напитка с трудом переносилась даже чистокровной григорианкой, а обо мне говорить нечего. Едва пригубила и губы обожгла.

– Хорошо, что его нет. Мы хотим поговорить с тобой.

– Мы? – переспросила я, и тревожно обернулась в сторону выхода.

О, подозреваю, о ком речь. Либо Эдетт, либо семья.

Зря Шад ушел!

А может специально?

– Не нервничай, – она заметила. – Речь про нашего отца.

Этого мне не хватало! Лиана меня невзлюбила, но держала себя в руках. Отец же тем более не был мной доволен. Перед ним я робела еще больше, чем перед женщинами. Мы почти не говорили, и видела его только в первый день.

И что они мне предложат? Пришли вместе, когда Шада нет. Подготовились. Попытаются отослать подальше? Идей не было.

– Сейчас Шад занимается вашим будущим, – хрипловато сказала Шантара. – Надеюсь, ты ценишь его шаг.

– Конечно! – с готовностью сказала я.

Она не удержалась напомнить, кто я, и как много должна за женитьбу на мне.

– Он пожертвовал большим, чем ты, – хрипло напомнила Шантара. – У тебя ничего не было, а мой брат подарил тебе свободу. Будь ему благодарна…

– Я благодарна!

– Ты не поняла, Рива, – оборвала она меня, лицо было серьезным, впрочем, как всегда. – Мы все обсудили на семейном совете. Я должна передать тебе предложение моих родителей, а ты должна сохранить это в тайне от Шада.

– В чем дело? – взволнованно спросила я, и неосознанно отступила, помня, что григорианка всегда вооружена. Лю-

бая, если доросла до права носить оружие.

Пока Шантара за кинжал не взялась, но он, как и всегда, был надежно пристроен у нее на поясе.

– Шад еще не знает, но благодаря связям, Эдетт выяснила, куда его скоро назначат. Нас это не устроило. И ты не захочешь гнить в этой дыре, адском пекле. Это тюрьма для военных преступников, Шад будет командовать там гарнизоном.

– Это точно? – растерялась я.

– Точнее не бывает. Конечно, это временно. Наш отец не хочет, чтобы он терял там лучшие годы для жизни и карьеры.

Я опустила глаза. Да, подняться ему будет сложно.

Уж не наказание ли это за то, что не добил Лиама? А я предупреждала его… Говорила, что ранен и не сможет биться как следует.

– Послушай, Рива, – продолжила она. – Разве он уже не потерял многое? Семью… У него не будет наследника, каково, а? Вы – не совместимые биологически виды. Спариваться можете, только без толку.

Я отвела глаза. Григорианцы, по-моему, вообще не умеют смущаться – говорят, как есть, а я покраснела от того, что сестра мужа завела со мной такой разговор. Некоторые считали несовместимость вполне себе преимуществом. По крайней мере, после Десятилетней войны, на которой разные виды повоевали, мужчины и женщины, голова не болит о том, что делать с «детьми войны» непонятно какого происхождения.

Для Шада это минус. Да и захотел бы он метиса?

– Чего вы от меня хотите? – прямо спросила я.

– Отец тебе заплатит, – сказала Шантара, – а ты исчезнешь с нашей планеты. Не будешь давать о себе вестей десять лет, а лучше до конца жизни.

– Чтобы меня признали умершей? – догадалась я, стрельнув на нее глазами.

Тогда он сможет вступить в новый брак. Более правильный. От страшного волнения все в голове помутилось. Это означало – нарушить клятву, которую мы дали друг другу на верхней палубе «Стремительного». Короткую, как полагается при заключении брака перед боем, но не менее от этого крепкую.

Григорианка бы на это не пошла.

Откровенно говоря, григорианка за такое предложение Шантару на поединок бы вызвала за оскорбление, либо заставила извиниться.

Поэтому предложили мне.

До конца жизни прятаться, потому что, если я дам знать, что жива, наш брак снова будет в силе, а последующие его соглашения – расторгнуты. Я его жена навсегда.

– Подумай, – веско сказала Шантара. – Все равно не любишь, только карьеру погубишь ему. Он не должен знать. Мы найдем тебе место далеко отсюда, но решение нужно принять сегодня. Сейчас. Пока он не вернулся.

Глава 15

Я представила, что улетаю отсюда, при их поддержке, снабженная деньгами. Шад остается, строит карьеру, заводит семью. Все это время я буду жить далеко. Может, иногда буду следить за новостями о нем, но никогда больше его не побеспокою. Если обо мне хоть слух пойдет, его карьера тотчас же рухнет.

Они не понимают, что я стану миной замедленного действия?

Не знаешь, когда рванет и где. Всю жизнь – а у григорианцев она долгая – будут опасаться, что всплывет правда. А какие пути для шантажа мне откроются, окажись я аморальной.

Шантара и ее семья не могут это не понимать.

Они умные, образованные, стратеги – они просчитывают лучше, чем я. Намного. Чтобы защитить сына, отец вывезет меня далеко и вместо денег может снабдить кинжалом в сердце. Бесчестно? А что важнее: честь или сын?

– Я должна поговорить с ним, – пряча глаза, выдавила я.

– Нельзя, Рива!

Та клятва была для меня не пустыми словами. Не потому

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.